СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCV, № 4.

Н. И. ПИРОГОВЪ.

ПИСЬМА КЪ СЫНУ.

Предисловіе и примѣчанія С. Я. ШТРАЙХА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Россійской Академіи Наукъ
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1917.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1917 г.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

Письма Н. И. Пирогова къ сыну.

— Къ чему вы готовите вашего сына? — кто-то спросилъ меня.
— Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я.
Н. И. Пироговъ. Эпиграфъ къ статьѣ „Вопросы жизни", 1856 г.

Публикуемыя здѣсь 20 писемъ знаменитаго русскаго педагога, геніальнаго хирурга и выдающагося общественнаго дѣятеля, Николая Ивановича Пирогова, относятся къ 1871—1879 годамъ. Они адресованы младшему сыну автора, Владиміру Николаевичу Пирогову, и вызваны медлительностью послѣдняго въ сдачѣ магистерскихъ экзаменовъ и въ работѣ надъ диссертаціей, что растянуло на семь слишкомъ лѣтъ его подготовку къ доцентству. Прибавляя много новаго и цѣннаго къ матеріаламъ для жизнеописанія Н. И. Пирогова, эти письма представляютъ также значительный интересъ, какъ дополненіе къ его статьямъ о воспитаніи и образованіи.

По этимъ письмамъ можно видѣть, какъ знаменитый ученый осуществлялъ въ личной практикѣ, по отношенію къ родной семьѣ, свои идеи о воспитаніи человѣка, которыя положили начало новой русской педагогикѣ и находятъ живой откликъ въ современномъ педологическомъ движеніи (ср. А. П. Нечаевъ, «Н. И. Пироговъ, какъ предшественникъ педологическаго движенія» — въ сборникѣ «Современное значеніе педагогическихъ идей Пирогова», изд. Общества экспериментальной педагогики, Спб. 1911). По нимъ можно прослѣдить, какъ не хотѣлъ, но порою вынужденъ былъ выдающійся мыслитель примѣнять идеи къ обстоятельствамъ и какъ усиленно стремился онъ внушить своему кор-

респонденту волю къ труду, которымъ была ознаменована вся плодотворная дѣятельность Н. И. и который онъ проповѣдывалъ самою жизнью своею.

Николай Ивановичъ Пироговъ родился 13 ноября 1810 г. въ Москвѣ, въ семьѣ незначительнаго интендантскаго чиновника. Послѣ домашней подготовки онъ былъ, по 12 году, отданъ въ извѣстный тогда пансіонъ В. С. Кряжева, въ которомъ, однако, курса не окончилъ въ виду пошатнувшагося матеріальнаго положенія отца. По совѣту друзей, въ томъ числѣ профессора Московскаго университета Е. О. Мухина, Ив. Ив. Пироговъ, пригласивъ учителей, за лѣто подготовилъ своего 14-лѣтняго сына къ вступительному экзамену въ университетъ. Такъ какъ въ студенты тогда принимались молодые люди, имѣвшіе не менѣе 16 лѣтъ отъ роду, то препятствіе было устранено представленіемъ вмѣсто метрическаго свидѣтельства удостовѣренія изъ присутственнаго мѣста, гдѣ служилъ отецъ, съ неправильнымъ обозначеніемъ возраста вступающаго. Экзаменъ сошелъ хорошо. О литературной подготовкѣ Н. И. Пирогова въ это время и о степени его умственнаго развитія къ моменту вступленія въ университетъ см. мой очеркъ «Литературное воспитаніе Н. И. Пирогова», Извѣстія II отд. Академіи Наукъ, т. 21, кн. II, и отдѣльно, Петр. 1916.

Въ 1828 г. Н. И. Пироговъ получилъ степень лекаря и былъ отправленъ въ Дерптскій профессорскій институтъ, а затѣмъ за границу для подготовленія къ профессурѣ. 26 лѣтъ онъ былъ избранъ профессоромъ хирургіи въ Дерптѣ и вскорѣ прославился своими содержательными лекціями, глубокими научными изслѣдованіями и блестящей хирургической техникой. Особенное впечатлѣніе произвело въ ученомъ мірѣ предисловіе Пирогова къ его Анналамъ Дерптской Хирургической Клиники, поразившее всѣхъ откровеннымъ признаніемъ автора въ своихъ ошибкахъ и сдѣлавшееся классическимъ благодаря его требованію отъ наставниковъ и руководителей молодежи правдивости и добросовѣстности.

Въ 1841 г. Пироговъ перешелъ въ С.-Пб. Медико-Хирургическую Академію, и вскорѣ его слава распространилась во всемъ ученомъ мірѣ, въ Россіи и въ Западной Европѣ. Въ январѣ 1847 г. онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, а затѣмъ, разновременно, почетнымъ членомъ цѣлаго ряда отечественныхъ и иностранныхъ университетовъ и другихъ ученыхъ учрежденій.

Отбывъ севастопольскую страду, Пироговъ оставилъ профессуру, но продолжалъ свои учено-литературные труды. Съ 1856 по 1861 гг. онъ состоялъ, преемственно, попечителемъ одесскаго и кіевскаго учебныхъ округовъ. Административная и литературно-педагогическая дѣятельность Пирогова поставила его имя на первое мѣсто въ исторіи пореформенной русской педагогики. Въ 1862 г. ему было поручено руководить занятіями молодыхъ русскихъ ученыхъ, посланныхъ за границу для подготовленія къ профессурѣ. Н. И. поселился сначала въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, и отсюда совершалъ частыя поѣздки въ разные германскіе и французскіе университеты для ознакомленія съ занятіями нашихъ кандидатовъ въ профессора. Объ этомъ періодѣ жизни Н. И. Пирогова см. его письма къ А. В. Головнину и другимъ лицамъ въ моемъ очеркѣ, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» за 1917 годъ.

Въ Гейдельбергѣ старшій сынъ Пирогова, Николай, поступилъ въ мѣстный университетъ, а младшій, Владиміръ, въ мѣстную гимназію—для окончанія средняго образованія, которое онъ и его братъ получили преимущественно дома подъ руководствомъ лучшихъ одесскихъ и кіевскихъ преподавателей и подъ наблюденіемъ отца.

Еще въ 1842 г. Н. И. Пироговъ женился на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Березиной (отецъ ея былъ родовитый, но разорившійся помѣщикъ, мать—урожденная графиня Татищева), которая родила ему двухъ сыновей: Николая и Владиміра. Послѣдній стоилъ жизни матери, скончавшейся отъ родильной горячки. Объ ея прекрасныхъ душевныхъ качествахъ говоритъ Е. Н. Ахма-

това въ своихъ воспоминаніяхъ объ О. И. Сенковскомъ («Рус. Стар.», 1890, августъ). Въ 1851 г. Пироговъ снова женился—на баронессѣ Александрѣ Антоновнѣ фонъ-Бистромъ, принадлежавшей къ старинному остзейскому дворянству. Дѣтей у нихъ не было. Передъ второй женитьбой Пирогова сильно безпокоилъ вопросъ объ отношеніи мачехи къ его сыновьямъ, и онъ удѣлялъ этому очень много мѣста въ письмахъ къ невѣстѣ. Въ виду личныхъ душевныхъ качествъ А. А. Бистромъ, а также въ виду баздѣтности второго брака Н. И. Пирогова сыновья его избѣгли тягостнаго положенія дѣтей-пасынковъ.

Послѣ выстрѣла Каракозова, 4 апрѣля 1866 г., графъ Д. А. Толстой, смѣнившій А. В. Головнина на посту министра народнаго просвѣщенія, сообщилъ Н. И. Пирогову, что онъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей по министерству, и Н. И. поселился въ своемъ имѣніи Вишня, дер. Шереметка, Винницкаго у., Подольской губ. Лишь въ 1871 и въ 1878—1879 гг., выѣзжалъ онъ изъ деревни для объѣзда, по порученію Императрицы Маріи Александровны, театровъ франко-прусской и русско-турецкой войнъ, чтобы ознакомиться, въ цѣляхъ примѣненія въ Россіи, съ новѣйшими и необходимыми усовершенствованіями въ дѣлѣ ухода за ранеными и больными воинами. Вотъ къ этому-то періоду и относятся публикуемыя здѣсь письма. Скончался Н. И. Пироговъ 23 ноября 1881 г. и похороненъ въ Вишнѣ.

Владимиръ Николаевичъ Пироговъ родился въ С.-Петербургѣ 5 января 1846 г. О первоначальномъ его воспитаніи и образованіи сказано выше. Любопытныя строки объ его гимназическомъ ученіи находимъ въ 4-мъ письмѣ Н. И. Пирогова изъ Гейдельберга, отъ 12 января 1864 г.; «Мой сынъ, который нынѣшній только годъ поступилъ въ университетъ, пробылъ цѣлый годъ въ послѣднемъ классѣ здѣшней гимназіи. Онъ долженъ былъ приготовлять самъ переводы изъ Геродота и Платона; долженъ былъ переводить съ греческаго на латинскій; долженъ былъ приготовляться изъ греческой исторіи по Дункеру; цѣлый семестръ проходить только одно время Перикла—развѣ это уже

не самостоятельный трудъ для юноши въ 17 лѣтъ? Онъ поступилъ въ университетъ, и его занятія постепенно и безъ всякихъ скачковъ изъ гимназическихъ дѣлаются университетскими: натура и свойство труда не перемѣнились: онъ сдѣлается современемъ степенью выше — вотъ и все» *). По окончаніи средней школы В. Н. Пироговъ слушалъ университетскія лекціи въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, занимаясь преимущественно всеобщей исторіей и проработавъ нѣкоторое время въ семинаріи Моммсена. Избравъ въ качествѣ жизненной карьеры профессуру, В. Н. Пироговъ сталъ готовиться къ защитѣ диссертаціи въ Берлинѣ, а затѣмъ къ магистрированію въ Россіи. Эти занятія длились слишкомъ долго, и Н. И. Пироговъ въ своихъ письмахъ къ сыну побуждалъ его ускорить подготовку къ профессурѣ, стараясь воздѣйствовать на него въ этомъ смыслѣ въ отношеніи самолюбія, независимости и т. п.

Помимо своей самостоятельной цѣнности съ точки зрѣнія расширенія литературно-эпистолярнаго наслѣдства Н. И. Пирогова, эти письма даютъ любопытныя дополненія къ «Письмамъ изъ Гейдельберга» (Сочиненія Пирогова, 1914, т. I), главнымъ образомъ, посвященнымъ вопросу о подготовкѣ молодыхъ ученыхъ, содержатъ интересныя разсужденія о воспитаніи характера и заключаютъ много подробностей къ характеристикѣ автора. Любопытны еще его замѣчанія (въ письмѣ № 2) на тему о равномѣрномъ распредѣленіи богатствъ въ странѣ, о происхожденіи взяточничества и т. п.

Подлинники писемъ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, переплетенные вмѣстѣ съ письмами Н. И. Пирогова къ А. А. Бистромъ. В. Н. Пироговъ показывалъ ихъ мнѣ и говорилъ объ ихъ значеніи для характеристики его отца еще въ 1904—1905 гг., но тогда онъ считалъ опубликованіе этихъ писемъ преждевременнымъ. Затѣмъ, въ виду его частыхъ разъѣздовъ, В. Н. считалъ

*) Сочиненія Н. И. Пирогова подъ моей редакціей, изд. 1914 г. *С. Ш.*

письма утерянными и даже писалъ мнѣ о мѣрахъ къ разысканію ихъ. Поселившись въ 1913 г. въ Марсели, В. Н. Пироговъ выписалъ туда всѣ свои ящики съ книгами, среди которыхъ были рѣдкія изданія произведеній его отца, а также книги и предметы, связанные съ памятью объ Н. И. Пироговѣ.

Сообщая мнѣ, что въ ящикахъ недостаетъ многихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ памяти объ его отцѣ, В. Н. писалъ мнѣ въ концѣ 1913 года: «Несомнѣнно, и писемъ недостаетъ, но могу Васъ обрадовать — самыя интересныя, которыя я считалъ украденными, нашлись». При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы письма были опубликованы, какъ матеріалъ очень цѣнный для выясненія развитія религіозно-философскихъ и общественно-педагогическихъ идей Н. И. Пирогова *), а самые подлинники хранились бы въ какомъ-либо общественномъ учрежденіи.

Благодаря принятымъ мѣрамъ письма были пересланы В. Н. Пироговымъ въ 1914 г. въ Императорскую Академію Наукъ (см. Отчетъ о дѣятельности Библіотеки Академіи за 1914 г., стр. 14), и особенно существеннымъ было въ этомъ отношеніи содѣйствіе академиковъ С. Ѳ. Ольденбурга и А. А. Шахматова и Б. Л. Модзалевскаго. Своевременность мѣръ къ возвращенію этихъ рукописей на родину знаменитаго ученаго доказывается тѣмъ, что вскорѣ по отсылкѣ писемъ В. Н. Пироговъ скончался въ Марсели, а всѣ оставшіеся тамъ, столь интересные для музея Н. И. Пирогова, возможно — и цѣнные для его жизнеописанія, — предметы и книги обречены случайностямъ военнаго времени. И теперь невыясненъ еще вопросъ объ ихъ мѣстонахожденіи и о возможности доставленія ихъ въ Россію.

Приготовляя эти письма къ печати, я встрѣтилъ просвѣщенное содѣйствіе и пользовался указаніями В. И. Герье (сообщившаго мнѣ цѣлый рядъ поправокъ и поясненій къ тексту настоя-

*) Значительная часть писемъ Н. И. Пирогова къ А. А. Бистромъ опубликована мною въ слѣд. изданіяхъ: «Русская Школа», 1914, XI, и 1915, III; «Голосъ Минувшаго», 1915, V и VI; «Русская Старина», 1915, V, и 1916, I—III; «Школа и Жизнь», 1915, № 16; «Лѣтопись», 1916, VII; «Соврем. Міръ», 1915, XI; сравн. газ. «Рѣчь», 1914, 2 III, и 1915, 23 XI. *С. Ш.*

щихъ писемъ, поскольку они касаются исторіи Московскаго Университета за 1873—1877 годы), Н. И. Карѣева, Б. Л. Модзалевскаго, М. Я. Пергамента, В. И. Саитова, С. Г. Сватикова, В. И. Срезневскаго и А. А. Шахматова, которымъ выражаю глубокую признательность. Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ приношу благодарность за содѣйствіе въ напечатаніи этихъ матеріаловъ. Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ использованы, кромѣ указаній, имѣющихся въ печати, свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ въ разное время В. Н. Пироговымъ, а также написанныя имъ для меня воспоминанія объ отцѣ. Имѣлись еще въ виду сообщенія, сдѣланныя мнѣ родственниками А. А. Пироговой, изъ коихъ съ благодарностью назову директора II департамента Министерства Юстиціи д. с. с. Д. Д. Иванова и д. с. с. А. И. Старицкаго. Письма Н. И. Пирогова печатаются здѣсь съ сохраненіемъ особенностей его правописанія *).

1.

71. Октября 27.

Теперь я понимаю, почему ты такъ многословно защищалъ предо мною Володю [1]), — ты зналъ, что рано или поздно придется и тебѣ сознаться въ бездѣльничествѣ и распущенности. Я бъ тебѣ денегъ не послалъ. Мама [2]) послала безъ меня, — не знаю, на счастье ли твое или несчастье. Я тебѣ давалъ довольно, чтобы жить скромно и безъ нужды, мама посылала тебѣ, кромѣ того, еще на поѣздки и т. п.; на диссертацію я хотѣлъ также прислать; счетъ книгопродавцу я бы уплатилъ охотно; но задолжать 200 тал. за обѣдъ трактирщику, — фи, — это я считаю низостью; — низко, по моимъ понятіямъ, кормиться въ долгъ, — пока я не нищій. Ссылка на молодость и неопытность, — это общее риторическое мѣсто, — этимъ можно, пожалуй, извинять и воровство.

*) Подчеркнутое въ подлинникѣ одинъ разъ — набрано курсивомъ, подчеркнутое дважды — жирнымъ шрифтомъ.

Какъ бы то ни было, но я приказываю тебѣ вслѣдъ за оплатою твоихъ долговъ *присылать мнѣ ежемѣсячно разсчетъ*, изъ котораго я могъ бы убѣдиться въ твоихъ расходахъ и правильномъ веденіи твоихъ счетовъ *), посланные же тебѣ мамою 400 талер. я вычту потомъ,—конечно, не разомъ,— изъ твоихъ будущихъ бюджетовъ, — это моя непреклонная воля. Я работаю и сбираю деньги для васъ не для того, чтобы вамъ дать средство проживать ихъ въ молодости безпутно, а для того, чтобы обезпечить для васъ въ будущемъ сколько можно независимую жизнь; — Богу одному извѣстно, на сколько это мнѣ удастся[8]); да будетъ Его святая Воля, но это я считаю моею святою обязанностію и исполняю ее по мѣрѣ моихъ силъ и способностей совѣстливо; поэтому и отъ васъ имѣю полное право требовать такого же совѣстливаго исполненія вашихъ обязанностей: помогать мнѣ, или покрайней мѣрѣ, не препятствовать въ исполненіи моихъ,—тѣмъ болѣе, что это ведетъ къ вашему же собственному благу.

Отъ васъ, въ этомъ случаѣ, я требую кажется не многаго,— и это немногое состоитъ только въ томъ, чтобы хорошенько вдуматься и размыслить о томъ, что предстоитъ каждому изъ васъ по человѣческимъ соображеніямъ, предоставляя остальное Высшему Промыслу. Здравый смыслъ есть основа каждаго ученія, и если я старался дать вамъ образованіе, то прежде всего я надѣялся чрезъ него развить въ васъ здравый смыслъ, а не затемнить его фантастическими софизмами и разнаго рода лжеученіями. Не трудно понять, что каждый долженъ жить и дѣйствовать сообразуясь съ средствами, данными Промысломъ каждому изъ насъ. Правда, пьяный мальчишка въ Гейдельбергѣ, на Шлоссбергѣ, если помнишь, пропивая послѣдній фенигъ на пиво, кричалъ также: «meine Mittel erlauben mir das», но онъ это дѣлалъ, потерявъ здравый смыслъ отъ пива; иначе, онъ легко бы убѣдился,

*) Иначе я не пришлю денегъ на твои расходы; это родъ администраціи надъ несостоятельнымъ должникомъ для предупрежденія обоюднаго разоренія.

что дѣлалъ вовсе несообразное съ его средствами, которыя могъ бы употребить на что нибудь лучшее.

Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что твой здравый смыслъ еще не совсѣмъ растерялся въ «эпохи кутежа», уже существовавшія въ твоей молодой жизни и вовсе не соотвѣтствующія твоей слабой конституціи; надѣюсь, поэтому, что ты отрезвился и закончишь, наконецъ, чѣмъ нибудь порядочнымъ твое долгое пребываніе за-границею, утѣшивъ насъ благополучною развязкою съ экзаменомъ, къ которому приготовляешься теперь, хотя я и не понимаю, почему ты не окончилъ сначала твою диссертацію, — вѣдь, безъ нее тебя все-таки не допустятъ къ экзамену; не сдѣлалъ ли уже ты это также изъ какихъ-либо «субъективныхъ» причинъ, точно также, какъ оставилъ ресторацію, въ которой обѣдалъ нѣсколько лѣтъ сряду. Напиши объ этомъ и объяснись подробнѣе.

Твой отецъ.

---

1) Володя—Владимиръ Антоновичъ Бистромъ, братъ Александры Антоновны Пироговой. Послѣ ея замужества перешелъ въ домъ сестры и, какъ сверстникъ В. Н. Пирогова, воспитывался вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ. Скончался холостымъ въ 90-хъ годахъ. Правильное начертаніе фамиліи Бистрамъ. — См. «Княжескія, графскія и баронскія фамиліи Прибалтійскаго края. Бароны Бистрамъ». «Курл. Губ. Вѣд.», 1895, № 13, 15 II, стр. 105—108.

2) Мама — Александра Антоновна Пирогова. По разсказамъ лично знавшихъ ее, была горячей, порывистой, но чрезвычайно доброй женщиной. Къ мужу питала чувство благоговѣнія, послѣ его смерти боготворила память Н. И. Къ его сыновьямъ относилась съ большой любовью; сильно заботилась объ ихъ матеріальныхъ интересахъ. Получивъ по завѣщанію мужа въ свое единоличное распоряженіе все его состояніе, помимо имѣній, выдѣленныхъ имъ при жизни сыновьямъ, — А. А., въ свою очередь, завѣщала его, В. Н. Пирогову и дочерямъ его старшаго брата, умершаго раньше мачехи. Къ общему наслѣдству присоединила и свое личное — приданное. Родилась 20 марта 1828 г., скончалась 29 іюня 1902 г. См. письма Н. И., къ ней въ упомянутыхъ выше журналахъ 1915—1916 гг.

3) Всю жизнь Н. И. Пироговъ много времени удѣлялъ безплатной медицинской практикѣ. Въ письмѣ къ А. А. Бистромъ, отъ 27 марта 1851 г., онъ заявлялъ: «Я себѣ положилъ за правило, отъ моихъ больныхъ, какъ бы они богаты ни были, никогда и ничего не требовать. Кто мнѣ дастъ, я беру, и беру съ мыслью, что я получаю не вознагражденіе за мой трудъ, но за мое время.

Мое призваніе и мое искусство я всегда ставилъ слишкомъ высоко, чтобы видѣть въ немъ одно только средство къ любостяжанію, и Богъ знаетъ, что я посвятилъ себя ему еще бывши ребенкомъ, когда мнѣ мысль о корысти и въ голову не приходила». Въ деревенскій періодъ жизни, до извѣстной степени подъ вліяніемъ своей практичной жены, Н. И. Пироговъ, на ряду съ опредѣленными часами для безплатнаго пріема, имѣлъ также опредѣленные часы для пріема больныхъ за плату.

2.

Село Вишня 1871. Декабря 9.

Изъ 8 листовъ почтовой бумаги, любезный другъ Воля, только одинъ истраченъ тобою производительно; это тотъ, въ которомъ ты убѣдилъ меня, что ты не развратничалъ, и представилъ мнѣ счетъ издержаннымъ деньгамъ, необходимый для доставленія тебѣ новыхъ на житье. Да, я тебѣ вѣрю, — ты еще не потерялъ у меня кредита,—и радуюсь, вѣря, что твой «кутежъ» не былъ развратенъ.

Ты, какъ видно изъ письма, обидѣлся тѣмъ, что отецъ, узнавъ объ истраченныхъ сверхъ бюджета 400 тал., безъ дальнѣйшихъ разспросовъ заподозрѣлъ сына въ развратѣ. Но, посуди самъ, могъ ли я отдѣлаться отъ этого печальнаго подозрѣнія, когда ты самъ объявилъ, что пережилъ уже «эпохи *кутежа*» а про Володю [1]), съ которымъ ты все время вмѣстѣ жилъ, я навѣрное знаю, что онъ значительную часть своего бюджета ухлопалъ на кутежъ и развратъ (т. к. онъ имѣлъ содержанку, былъ болѣнъ сифилисомъ и т. п.). Не естественно ли было съ моей стороны предположеніе, что и твои долги пошли почти на это же, тѣмъ болѣе, что ты относился къ долгамъ Володи снисходительно. Слава Богу, что *слово твое*, — которому вѣрю, — уничтожаетъ это горькое предположеніе.

Что касается до твоего бюджетнаго расчета, то онъ подтверждаетъ только мои слова: 1200 тал. тебѣ, дѣйствительно, были достаточны для безбѣднаго существованія. Включая и

табакъ, который ты напрасно куришь слишкомъ много (5—6 папиросокъ въ день были бы достаточны [2]), не вредя здоровью излишкомъ никотина), и бритье, и 20 годовыхъ посѣщеній театра, и прогулки за городъ, и лишнюю бутылку вина, и даже ежемѣсячное (? ?) пломбированіе зубовъ, — сумма истратъ все таки не превышаетъ въ годъ 1200 тал. (это такъ наз. тобою minimum составляетъ,—не забудь этого,—6% съ капитала въ 20,000, — и приватъ-доцентъ въ Германіи [3]) съ своего капитала врядъ ли имѣетъ столько), а ты получалъ и болѣе, такъ что остается для меня все еще темнымъ, какъ могли накопиться въ долгу 400 тал. *) и, главное, какъ могъ остаться не оплаченнымъ такой кардинальный долгъ, каковъ 225 тал. за обѣдъ трактирщику.

Пиши сколько хочешь, но чернаго не сдѣлаешь бѣлымъ и никакъ не докажешь, что нужно, должно, или даже, что можно жить и не по средствамъ. Не можетъ служить оправданіемъ и то, что «если бы ты не чувствовалъ почвы подъ землей (подъ ногами, ты хотѣлъ сказать), то ты, конечно, остерегался бы истратить болѣе самаго необходимаго». По просту, это значитъ, что ты зналъ, что у отца въ карманѣ есть болѣе 1200 таллеровъ; но, вѣдь, это значитъ также, что ты не вѣрилъ въ добросовѣстность отца относительно тебя, а имѣлъ заднюю мысль: онъ можетъ мнѣ дать и болѣе 1200 тал. да скупится и не даетъ, такъ вотъ я и самъ возьму. Не такъ ли? Значитъ, ты мнѣ не вѣрилъ, а между тѣмъ хочешь, чтобы я тебѣ вѣрилъ. Хотя это и обидно для меня, но я великодушнѣе тебя, — не сержусь, — и все еще тебѣ вѣрю [4]).

Ты говоришь, при томъ, что я тебѣ посылалъ «minimum для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя имѣетъ всякій человѣкъ, находящійся въ той средѣ, въ которой тебя поставили

*) Я полагаю, что 400 тал. пошли на угощенія знакомыхъ. Отъ этихъ пустыхъ и несообразныхъ со средствами знакомствъ вѣрно образовался и долгъ у трактирщика.

рожденіе и воспитаніе». Родись ты хоть претендентомъ на Французскій или Испанскій престолъ, но съ 20,000 талер. въ карманѣ, то ты все-таки долженъ будешь жить процентами съ этого капитала, если будешь не сумасбродъ и не фатъ. (Не забудь притомъ, что эта среда не удержала, однакоже, тебя ѣсть отвратительные для тебя обѣды трактирщика *по неволѣ*, чтобы умилостивить его за долги. Рожденіе и воспитаніе обязываютъ только къ строгому исполненію своихъ нравственныхъ обязанностей, — а не къ пуфамъ и фатовству).

Но, судя такъ о себѣ, ты не будешь имѣть права и возразить мнѣ, если бы и я, подобно тебѣ, ссылаясь на неопредѣленность «взгляда на то, что называется безбѣднымъ», — вздумалъ бы также удовлетворять всѣ воображательныя потребности среды, въ которую меня поставило мое положеніе въ свѣтѣ: переѣхалъ бы съ мамою въ С.-Петербургъ, нанялъ бы квартиру тысяти въ три, взялъ бы сезонный билетъ въ итальянскую оперу, завелъ бы экипажъ и проч.; — это было бы все въ предѣлахъ возможнаго для меня, — тебя же пригласилъ бы поскорѣе кончить кое-какъ курсъ въ русскомъ университетѣ на мѣдныя деньги и потомъ служить.

Конечно, я имѣлъ бы на все это право. Но было ли бы это добросовѣстно въ отношеніи васъ моихъ дѣтей? Если же нѣтъ, если я считаю себя нравственно обязаннымъ отказать себѣ и мамѣ въ удовольствіяхъ столичной жизни [5]), въ пріятностяхъ общества друзей и родныхъ, — и все это, имѣя въ виду ваше будущее, — то не вправѣ ли я потребовать и отъ моихъ дѣтей, чтобы они отказывали себѣ въ томъ, безъ чего можно обойтись, не утрачивая ни силъ, ни здоровья. Такого рода *обоюдныя нравственныя обязанности* и есть самая крѣпкая основа семейнаго быта и счастья. Ты, пожалуй, можешь сказать, хотя и безъ всякаго на это права, — зачѣмъ вы откладываете на будущее, давайте мнѣ лучше болѣе. Но это было бы и несправедливо, и глупо. Мнѣ уже слишкомъ за 60 лѣтъ, мое здоровье, ты знаешь, какое; мама также старѣется; мы обязаны обезпечить себя, хоть

сколько нибудь въ будущемъ; оно не извѣстно, и всегда угрожаетъ человѣку превратностями; — а относительно васъ, молодыхъ, не было ли бы глупостью дать вамъ тратить теперь, чтобы приготовить для васъ же зависимую будущность [6]).

Помни, что я многимъ жертвовалъ и жертвую для вашей будущей независимости, — конечно, насколько человѣку можно быть независимымъ въ жизни, — съумѣй же оцѣнить это высокое благо въ будущемъ и умѣй подчиниться для него ограниченіямъ въ настоящемъ. Если для неимущихъ и пролетаріевъ полезно преимущественно съ государственной, а отчасти и съ нравственной точки зрѣнія, слѣдуя Рошеру [7]), увеличеніе своихъ потребностей; то для нашей среды, и особливо въ Россіи, гораздо необходимѣе уменьшать разныя потребности, и безъ того насъ одолѣвающія не въ прокъ. (Не забудь, у насъ главная причина взяточничества есть та, что мы живемъ не по средствамъ, расточаемъ а не собираемъ). У однихъ должно повысить, а у другихъ понизить уровенъ потребностей, тогда и будетъ настоящее равновѣсіе, потрясенное въ Европейскомъ обществѣ. Мнѣ дороги не 400 тал. твоего долга, а *дорогъ принципъ*, котораго ты не исполнилъ, а именно на тебя я полагался болѣе всѣхъ, ты былъ мальчикъ разсчетливый и твой бюджетъ былъ всегда и болѣе въ порядкѣ чѣмъ у братьевъ [8]).

Ты полагаешь, что необходимы «нравственные перевороты и потрясенія», необходимо «быть выброшеннымъ безъ гроша на мостовую», чтобы остерегаться жить не по средствамъ и не дѣлать долговъ; — это такъ и не такъ; — большинство дѣйствуетъ именно такъ и исполняетъ свой долгъ поневолѣ; но милосердный Богъ одарилъ людей воображеніемъ, я думаю, не для того только, чтобы они выдумывали, для своей услады, разныя фантастическія сказки, а также и для того, чтобы имѣли возможность живо представлять себѣ различныя положенія въ жизни такъ, какъ будто они сами переживали ихъ; какъ ни худо жить бѣдняку на свѣтѣ, но еще было бы хуже если бы имущій вовсе не имѣлъ способности представить себѣ его положеніе. Что было бы безъ

этой способности съ правиломъ; не желай другому чего себѣ не желаешь; — не имѣя безъ опыта возможности представлять себѣ живо всѣхъ удручающихъ слѣдствій бѣды и нищеты, кто бы могъ ихъ желать или не желать?

Но, къ счастію, и слава Богу, человѣкъ, и не испытавъ, имѣетъ возможность себѣ представлять и даже живо чувствовать испытанное другими. И чѣмъ выше стоитъ человѣкъ по образованію и по нравственности, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ въ себѣ этой возможности, тѣмъ болѣе и мы имѣемъ право отъ него требовать, чтобы онъ направлялъ свое воображеніе на эту высокую и благую цѣль. Если ты говоришь о человѣкѣ, «брошенномъ судьбою безъ гроша на мостовую», то я предполагать въ правѣ, что ты хорошо понимаешь это состояніе, а если направишь хорошо твое воображеніе, то даже и будешь чуствовать все удручающее въ этомъ положеніи. Представь же себѣ точно также и всѣ слѣдствія житья не по средствамъ и пойми ихъ не опытомъ,—избави тебя Богъ отъ него, — а чуствомъ, — которое не должно быть притуплено у развитаго человѣка; тогда ты вѣрно остережешься и направишь волю на твои поступки.

Ты обидѣлся за слово: низость. Но, въ сущности, обѣдъ въ долгъ у трактирщика безъ самой крайней нужды нельзя отнести ни къ высокимъ, ни къ индифферетнымъ поступкамъ, и если это положить на точныя нравственныя химическія вѣсы, то чашка склонится на сторону низкаго. Квартира и столъ всякимъ порядочнымъ человѣкомъ должны быть оплачены впередъ, будутъ ли деньги отданы по принадлежности, или останутся пока въ своемъ карманѣ. На кредитъ трактирщиковъ и на оказанныя имъ услуги разсчитывать плохо [9]), — это также не относится къ высокимъ поступкамъ и не соотвѣтствуетъ требованіямъ «той среды, въ которую поставили тебя воспитаніе и рожденіе», что, впрочемъ, ты уже узналъ на опытѣ: ты принужденъ былъ, вслѣдствіе такого кредита и такой услуги, ѣсть то, что тебѣ было посильно и подвергаться непріятностямъ докучиванія кредитора.

Изъ твоихъ словъ, наконецъ: «дѣлайте со мною, что хотите,

приказывайте сейчасъ-же возвратиться и т. п.», — я заключаю, что ты меня плохо знаешь; Я полжизни хлопочу и забочусь о васъ и никогда не позволилъ себѣ распоряжаться деспотически судьбою моихъ дѣтей *), какъ бы они ни были зависимы отъ меня и если и я, и мама часто тебѣ напоминали объ экзаменѣ и о тратѣ времени, то до сихъ поръ не дѣлали этого слишкомъ настойчиво, пока не оказалось, что ты живешь не по средствамъ. Ты долженъ окончить твое ученіе не въ Россіи, а за границей, но пора достигнуть результата, необходимаго для твой будущей карьеры въ Россіи. Сдавъ экзаменъ, ты будешь con amore заниматься любимымъ предметомъ и въ извѣстной степени довольно независимо. Но дай намъ этотъ результатъ, мы болѣе ничего не требуемъ, и требуемъ этого для твоего же блага. Ты, что то ничего уже не упоминаешь о твоей диссертаціи, что съ ней сдѣлалось, тогда какъ прежде постоянно писалъ намъ о ней одной. Я думаю, что потеря времени и твои долги преимущественно произошли отъ того, что вы *завели связи и знакомства съ соотечественниками;* лучше бы было держаться дѣловыхъ нѣмцевъ. Храни тебя Богъ. Твой отецъ.

Благочестивыя размышленія.

Кутежъ, житье не по средствамъ и не расчетливость не оправдываются молодостью и неопытностью; эти прекрасныя свойства, какъ опытъ удостовѣряетъ, на столько же, по крайней мѣрѣ, принадлежатъ и зрѣлому возрасту, если человѣкъ въ молодости не пріучилъ себя вдумываться и сообразоваться съ окружающею его обстановкою и различными обстоятельствами жизни. А истинное образованіе къ тому служитъ, чтобы человѣкъ заранѣе пріучился вдумываться и дѣйствовать сознательно.

---

*) потому то требую и отъ нихъ, чтобы они поступали не произвольно, а исполняя свои обязанности.

Недостатокъ прочнаго филологическаго образованія, которымъ Воля [10]) въ одномъ письмѣ старается извинить свое долгое проживаніе за границею и свою неприготовленность къ экзамену, вовсе не составлялъ бы такого препятствія, если бы тутъ не были помѣхою «эпохи кутежа» и безсознательное толченіе воды; потому что недостатокъ въ филологическомъ образованіи и многіе другіе пробѣлы знанія могли бы быть легко пополнены при доброй волѣ, при охотѣ къ ученію и любознаніи; примѣромъ тому служитъ Гнѣдичъ, человѣкъ вовсе не геніальный, но научившійся въ позднемъ возрастѣ греческому языку такъ, что могъ потомъ перевести Иліаду, а Крыловъ [11]) поспоривъ съ нимъ, что черезъ годъ самъ научится греческому языку, выигралъ закладъ въ такой степени, что научился въ этотъ срокъ понимать греческихъ авторовъ. Гротъ и Гервинусъ [12]) были прежде купцами, а потомъ уже сдѣлались филологами. Струве [13]) до 35 лѣтъ былъ филологомъ и учителемъ, а потомъ сдѣлался извѣстнымъ астрономомъ.

1250 таллеровъ ежегоднаго бюджета съ различными, кромѣ того, прибавками, было бы болѣе нежели достаточно для хорошаго содержанія порядочнаго человѣка; на 300 таллеровъ онъ могъ бы имѣть хорошій столъ, на 300 тал. квартиру, 400 тал. на ученіе и остальное на одежду и удовольствія въ скромныхъ предѣлахъ. Дефициты и долги должно приписать не къ недостаточности содержанія, а кутежу и фатовству.

Кто живетъ не по средствамъ, кто теряетъ время, отмѣренное ему вдоволь для приготовленія къ вступленію въ дѣятельную и самостоятельную жизнь, тотъ крадетъ безбожно самъ у себя и у другихъ, расточаетъ непроизводительнымъ образомъ данный ему въ займы отъ Бога и отца капиталъ, зарываетъ талантъ въ землю безпроцентно, — а главное, — развиваетъ въ себѣ преждевременно зародышъ разрушенія и культъ распущенности, который въ послѣдствіи плохо отзовется въ его дѣйствіяхъ на поприщѣ жизни.

Человѣку, не лишенному вовсе здраваго смысла и доброй воли, наконецъ, должно же придти въ голову, что есть крайній

предѣлъ умственной и матеріальной недорослепности; — есть пора выступить въ самостоятельную жизнь. Для Воли, очевидно, пришла эта пора. Медлить безъ ущерба для себя и другихъ нельзя. Пора крикнуть себѣ: «впередъ», и съ твердымъ упованіемъ на Высшую Волю пойти впередъ. — 400 руб. я не жалѣю, жаль, что ты еще не приготовленъ къ экзамену и ничего прежде не говорилъ о твоемъ дефицитѣ.

---

1) Володя — Владимиръ Антоновичъ Бистромъ. О немъ—выше, въ примѣчаніяхъ къ предыдущему письму.

2) В. Н. Пироговъ до конца жизни курилъ очень сильно.

3) Въ «Письмѣ изъ Гейдельберга», отъ 24 марта 1863 г., Н. И. Пироговъ писалъ: «Нѣмецкіе приватъ-доценты доказываютъ своимъ существованіемъ, какую важную роль играетъ нужда въ распространеніи научной дѣятельности. Что заставляетъ молодыхъ людей, нерѣдко талантливыхъ и почти всегда прилежныхъ, по окончаніи университетскаго курса, жить и бѣдствовать постуденчески, имѣя обыкновенно не болѣе одной или двухъ сотенъ гульденовъ ежегоднаго дохода? Что заставляетъ ихъ, неимѣющихъ иногда почти никакого дохода, издерживать собственныя, скудныя средства въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣя въ виду только одно, и то невѣрное, будущее? Чистая ли любовь къ наукѣ, призваніе-ли, самолюбіе-ли? Конечно, все это вліяетъ на выборъ поприща». Выше, въ томъ-же письмѣ, читаемъ: «Западная цивилизація вся обусловливается отношеніемъ народонаселенія къ пространству. А національный характеръ? Да вліяніе его на цивилизацію только въ томъ и состоитъ, что одинъ народъ живѣе чувствуетъ нужду и яснѣе сознаетъ необходимость, а другой менѣе. Эту-то нужду и необходимость и не даетъ намъ сильно чувствовать наше раздолье» (Сочиненія, т. I, изд. 1914 г.).

4) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ помѣтка, отсылающая къ отдѣльному листку, озаглавленному «Благочестивыя размышленія». Они помѣщены вслѣдъ за письмомъ.

5) Еще въ письмѣ къ А. А. Бистромъ (26 марта 1850 г.), когда она была его невѣстой, Н. И. Пироговъ, изложивъ свой идеалъ трудовой жизни, писалъ: «Чтобы поступать по этому образцу, нужно: *во-первыхъ, вести скромную, тихую и, сколько можно, уединенную жизнь*. Всякій признакъ блеска и роскоши противенъ осуществленію идеи предполагаемаго образа жизни. Противенъ и отвратителенъ былъ для меня всегда этотъ блескъ, даже и тогда, когда я былъ чистымъ матеріалистомъ. Пестрота платья, изысканность одежды, даже излишній комфортъ, если онъ только мнѣ не необходимъ для поддержанія здоровья,—все это въ моихъ глазахъ вредная трата содержанія, которое могло бы съ большею пользою быть употреблено и для себя, и для другихъ».

6) В. Н. Пироговъ до конца жизни пользовался рентой изъ отцовскаго наслѣдства. Другихъ источниковъ существованія у него не было. Старшій братъ его, кромѣ наслѣдственнаго, имѣлъ и благопріобрѣтенное имѣніе.

7) Вильгельмъ-Георгъ-Фридрихъ Рошеръ (Roscher), 1817—1894, извѣстный нѣмецкій экономистъ, считающійся однимъ изъ родоначальниковъ исторической школы въ политической экономіи. Главный его трудъ—«Система народнаго хозяйства».

8) Братья — Николай Николаевичъ Пироговъ и Владиміръ Антоновичъ Бистромъ.

9) Уже будучи избранъ профессоромъ Дерптскаго университета и находясь, въ 1837 г., въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ прочиталъ краткій курсъ хирургической анатоміи для старыхъ столичныхъ клиницистовъ и профессоровъ, медико-хирургической академіи, при чемъ работалъ съ утра до поздней ночи въ госпиталяхъ и покойницкихъ нѣсколькихъ больницъ, — Н. И. Пироговъ велъ очень скромный образъ жизни. Въ «Дневникѣ стараго врача» онъ такъ описываетъ это время: «Между 3—4 час. бѣгу въ трактиръ на углу Сѣнной и ѣмъ пироги съ подливкой... Не смотря на усиленную дѣятельность съ ранняго утра до поздней ночи, меня не тяготила эта жизнь; мнѣ жилось привольно въ своемъ элементѣ»... (Сочиненія, т. II, изд. 1916 г.).

10) Воля — Владиміръ Николаевичъ Пироговъ. Въ «Благочестивыхъ размышленіяхъ» Н. И. обращается къ обоимъ сыновьямъ и къ брату жены, В. А. Бистрому.

11) Н. И. Гнѣдичъ — переводчикъ «Илліады». Біографъ его говоритъ: «Шестнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ московскій университетъ, гдѣ пробылъ три года. Здѣсь онъ основательно ознакомился съ латинской и греческой литературой»... Переводить «Иліаду» Гнѣдичъ началъ въ 1809 г., 25 лѣтъ отъ роду, но всю поэму, въ окончательномъ видѣ, онъ издалъ въ 1829 г. И. А. Крыловъ — знаменитый баснописецъ, нѣсколько лѣтъ служилъ вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ и жилъ по сосѣдству съ нимъ, будучи съ переводчикомъ «Иліады» въ большой дружбѣ.

12) Георгъ-Готфридъ Гервинусъ, извѣстный нѣмецкій историкъ, 1805—1871, служилъ приказчикомъ въ магазинѣ, затѣмъ посѣщалъ университетъ. Съ 1835 г. — профессоръ въ Геттингенѣ. Гротъ — повидимому, Пироговъ имѣлъ въ виду извѣстнаго англійскаго историка Дж. Грота, въ молодости занимавшагося практической дѣятельностью въ качествѣ банковскаго служащаго.

13) В. Я. Струве — извѣстный астрономъ, академикъ; въ 30-хъ годахъ былъ профессоромъ въ Дерптѣ, когда тамъ учился Пироговъ. Въ «Дневникѣ стараго врача» — воспоминанія Пирогова о Струве.

3.

73. Декабря 12. Вишня [1]).

Не хвались, а прежде Богу помолись. Помнишь ли, ты quasi хвалился къ 15 январю выдержать экзаменъ. А не тутъ то было.

Впрочемъ, это не бѣда. Не худо для тебя хорошенько заняться. Не худа и метода экзаменовать Герье [2]). Видно, что онъ еще молодъ и экзамены доставляютъ ему еще удовольствіе и пользу. Если онъ съ каждымъ магистромъ пройдетъ 12 вопросовъ изъ исторіи, то, — docendo dicimus, — кой-чему научится. Если эти 12 вопросовъ, — да еще имѣющіе, какъ ты пишешь, обширное историческое значеніе, — ему будутъ извѣстны заранѣе, то онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, къ нимъ также хорошо приготовиться, какъ и экзаменующійся. Метода, очевидно, полезная и для экзаменатора, и для экзаменующагося, для перваго еще больше: онъ будетъ приготовляться къ разрѣшенію такихъ обширно-значительныхъ вопросовъ con amore, безъ страха и трепета за неудачу.

Это все прекрасно, но неужели нельзя къ концу учебнаго года, т. е. къ маю приготовиться къ экзамену и изъ 2-хъ остальныхъ предметовъ (Русской исторіи и политической экономіи), уже это что-то слишкомъ хлопотливо для Берлинскаго Доктора философіи [3]), ищущаго получить степень магистра въ Москвѣ. Знай нашихъ, вотъ какова Москва, въ наукѣ собаку съѣла. Не можешь ли чрезъ Герье или Корша [4]) познакомиться съ М. Н. Катковымъ. Вѣдь, Герье во время оно былъ его поклонникомъ [5]). Любопытно бы было кой-что узнать отъ тебя и о Катковѣ съ Леонтьевымъ [6]), вѣдь, московская наука въ нихъ то именно, что тамъ ни говори, и сидитъ.

Но, если ты теперь, надѣюсь, получишь весьма высокое понятіе о научномъ значеніи Москвы, — и получишь, конечно, еще больше, когда разрѣшишь всѣ 12 вопросовъ, — то, какъ я вижу, въ отношеніи конфорта Москва тебѣ не такъ нравится. О, молодой человѣкъ 19-го столѣтія! Сколько тебѣ нужно для культуры твоего бреннаго тѣла. Какъ вспомнишь да сравнишь прошедшее съ настоящимъ, страшно дѣлается; а что, если тебѣ, Воля, когда нибудь придется сдѣлать историческую экспедицію въ Хиву, или куда нибудь въ родѣ Хивы, гдѣ возмешь тюфякъ съ рессорами? Бѣда! Пожалуйста, не пей московскаго пива, еще болѣе растол-

стѣешь, несмотря на изнуреніе по 12 вопросамъ, и тогда перекладины на кроватяхъ будутъ еще чуствительнѣе для боковъ; ты видишь изъ опыта, что жирная подкладка подъ кожею не замѣняетъ подушекъ.

Будь, Богъ съ тобою, здоровъ и бодръ духомъ, — остальное все придетъ. Постарайся къ концу учебнаго года отдѣлаться совсѣмъ, а то я поневолѣ буду упрекать себя, почему не настоялъ у тебя, чтобы ты держалъ экзаменъ въ Дерптѣ или С.-Петербургѣ, — тамъ, все-таки, взгляды на экзамены упростились и менѣе китайскіе, чѣмъ въ Москвѣ, часть которой еще и по нынѣ не даромъ называется Китай-городомъ. Прощай, дружокъ, пиши и будь здоровъ.

Твой отецъ.

---

1) Въ собраніи писемъ Н. И. Пирогова къ сыну къ этому письму подшита слѣдующая телеграмма В. Н. Пирогова изъ Берлина отъ 5 января 1873 г.: «Das Examen bestanden. Doktor Pirogoff». Писемъ Н. И. Пирогова за время съ 9 декабря 1871 г. до 12 декабря 1873 г. въ присланномъ В. Н. Пироговымъ собраніи нѣтъ. Изъ другихъ писемъ видно, что они были. Возможно, что такія письма могутъ найтись въ бумагахъ В. Н. Пирогова, оставшихся въ Марсели.

2) Владимиръ Ивановичъ Герье — преподаетъ всеобщую исторію въ Московскомъ университетѣ съ 1865 г. (доцентъ, затѣмъ профессоръ). Вл. Ив. Герье сообщилъ мнѣ, что въ 70-хъ годахъ онъ завелъ слѣдующій порядокъ экзамена для магистрантовъ: вопросы для экзамена выбирали они сами, по шести изъ каждаго отдѣла, а профессоръ изъ этихъ шести вопросовъ выбиралъ одинъ, по которому кандидатъ долженъ былъ отвѣчать. Испытанія по древней, средней и новой исторіи производились самостоятельно, слѣдовательно аспиранту приходилось выбрать и готовиться по 18 вопросамъ.

3) Въ 1873 г. В. Н. Пироговъ получилъ въ Берлинскомъ университетѣ степень доктора философіи за диссертацію «De Eutropii Breviarii ab U. C. endole ac fontibus» (Berl. 1873).

4) Ѳ. Е. Коршъ (1843—1915 гг.), академикъ, съ 1865 г. — преподаватель Московскаго университета, затѣмъ профессоръ. (См. А. А. Шахматовъ «Фед. Евг. Коршъ, некрологъ», съ портретомъ и спискомъ сочиненій, Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1915, стр. 373—400) Рекомендуя сыну познакомиться черезъ профессоровъ Герье и Корша съ Катковымъ, Н. И. Пироговъ, очевидно, не былъ освѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Московскихъ университетскихъ кругахъ въ началѣ 70-хъ годовъ и, во всякомъ случаѣ, не зналъ, что оба эти профессора принадлежали къ рѣзкимъ противникамъ тогдашней политической программы редакціи «Русскаго Вѣст-

ника». Въ этомъ сказалось долговременное отсутствіе Н. И. Пирогова сначала изъ Россіи (1862—1866), а затѣмъ изъ столицъ. Его близкое знакомство съ направленіемъ «Русскаго Вѣстника» относится къ концу 50-хъ годовъ, когда Н. И. былъ руководителемъ «Одесскаго Вѣстника», гдѣ сочувственно цитировались англоманскія, конституціонныя статьи изданій М. Н. Каткова. Самъ Пироговъ, въ своихъ статьяхъ по университетскому вопросу, заявляетъ себя горячимъ сторонникомъ англійской конституціи. Въ «Дневникѣ стараго врача», писанномъ въ 1879—1881 гг., онъ также заявляетъ себя противникомъ политическихъ теорій, проповѣдывавшихся Катковымъ и его единомышленниками (см. ниже, примѣчаніе 4-е, къ письму № 20).

5) Ссылка Н. И. Пирогова на то, что проф. Герье «во время оно» былъ «поклонникомъ» Каткова, подтверждаетъ сказанное въ предыдущемъ примѣчаніи. Удивительно, однако, что Пирогову, повидимому, осталась неизвѣстной статья проф. В. И. Герье «Университетскій вопросъ», горячо защищавшая уставъ 1863 г., выработанный при содѣйствіи Пирогова, и появившаяся еще въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1873 г., т. е. за 9 мѣсяцевъ до этого письма Н. И. къ сыну. Именно въ этой статьѣ проф. Герье, противуставляя прежнюю позицію редакціи «Русскаго Вѣстника», отстаивавшей еще въ концѣ 60-хъ годовъ университетскую автономію, ея позиціи въ 1873 г., — рѣзко нападалъ на этотъ журналъ за статьи по университетскому вопросу Н. А. Любимова, ближайшаго друга и политическаго единомышленника М. Н. Каткова.

6) П. М. Леонтьевъ, извѣстный профессоръ римской словесности и древностей въ Московскомъ университетѣ и руководитель «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» въ періодъ ихъ реакціонной позиціи. М. Н. Катковъ былъ адъюнктомъ философіи въ Москвѣ въ 1845—1850 гг. Въ 1870 гг., во всякомъ случаѣ, не имѣлъ ничего общаго съ серьезной университетской наукой.

4.

73. Декабря 26.

Я желалъ бы знать, любезный Воля, состоялось ли какое нибудь опредѣленіе факультета о допущеніи тебя къ магистерскому экзамену, и желалъ бы знать, опредѣлены ли уже тобою и экзаменаторомъ вопросы для экзаменовъ и какіе? Напиши, пожалуйста, мнѣ объ этомъ. Это очень любопытно. Именно какіе такіе 12 вопросовъ. При этомъ не могу не замѣтить тебѣ, что, по моему мнѣнію, на *невозвращеніе* М. С. Куторги [1]) изъ его заграничнаго отпуска нельзя еще полагаться съ увѣренностію.

Кто его знаетъ, а если онъ возвратится на профессуру, что тогда, — взять ли этотъ случай тобою и экзаменаторомъ твоимъ (Геррье) въ соображеніе. Хотя я и не думаю, чтобы Куторга, въ случаѣ возвращенія его на профессуру, протестовалъ о допущеніи тебя факультетомъ къ экзамему, но все таки нужно бы было что нибудь знать объ этомъ болѣе опредѣленное. Надѣюсь, что ты удовлетворишь мое любопытство, написавъ мнѣ объ этомъ твое мнѣніе.

Прощай и, сдѣлай одолженіе, веди твои денежныя дѣла аккуратнѣе, а, главное, будь въ этомъ отношеніи съ нами какъ можно болѣе откровененъ. Ты, надѣюсь, убѣдился, что тебѣ нѣтъ никакой причины скрывать что-нибудь отъ насъ. Будь здоровъ и храни тебя Богъ.

Твой отецъ.

---

1) Мих. Сем. Куторга, профессоръ всеобщей исторіи въ Москвѣ въ 1869—1874 гг., товарищъ Н. И. Пирогова по Дерптскому профессорскому институту въ началѣ 30-хъ годовъ. По поводу «невозвращенія» М. С. Куторги В. И. Герье продиктовалъ мнѣ свои воспоминанія, имѣющія значеніе и для исторіи Московскаго университета за указанный періодъ. — Начавъ въ 70-хъ годовъ агитацію за уничтоженіе университетской автономіи, группа Каткова и Леонтьева стремилась всякими средствами усилиться въ Московскомъ университетѣ. Между прочимъ, она пыталась замѣстить своимъ кандидатомъ и вакантную каѳедру всеобщей исторіи. Забаллотировавъ В. И. Герье, какъ представителя прогрессивныхъ теченій, катковисты избрали въ 1868 году штатнымъ профессоромъ М. С. Куторгу, который проживалъ тогда въ деревнѣ, въ отставкѣ, и въ которомъ они расчитывали имѣть своего сторонника. Но Куторга былъ уже не въ состояніи профессорствовать, и каѳедру занялъ В. И. Герье, хотя и по назначенію министра, графа Д. А. Толстого. Впрочемъ, послѣднему врядъ-ли приходилось радоваться этому обстоятельству, такъ какъ въ лицѣ В. И. Герье онъ нашелъ энергичнаго противника своихъ реакціонныхъ стремленій.

5.

Вишня, 74, Января 8.

Таковы человѣческія предположенія, любезный Воля. Сначала январь, потомъ май, теперь сентябрь, а потомъ, какъ и теперь,—все то же неизвѣстное. Разумѣется, не бѣда. Это время, надѣемся, для тебя не будетъ потерянное и въ Москвѣ, гдѣ время, какъ и вездѣ у насъ, не по чемъ. Ты, какъ я вижу изъ письма, убѣдился, наконецъ, что въ Москвѣ не требуются для экзамена да и вообще для ученія, источники [1]); предоставляется разработка ихъ нѣмецкому уму—а я увѣренъ былъ въ этомъ давно, и потому совѣтовалъ тебѣ ѣхать въ Дерптъ, гдѣ подготовка къ экзамену была бы, безъ сомнѣнія, радикальнѣе и сообразнѣе съ духомъ твоей науки. Но ты противъ Дерпта, какъ и всѣ русскіе, имѣешь какое то предубѣжденіе, не зная, конечно, по опыту значеніе Дерптскаго университета [2]).

Впрочемъ, можетъ быть, Москва будетъ для тебя полезна тѣмъ, что ты присмотришься, а можетъ быть успѣешь, какъ нибудь, и устроить твою будущую карьеру при Университетѣ. Нѣтъ худа безъ добра. У насъ выдумали судить о достоинствѣ будущихъ доцентовъ по экзаменамъ и для этого построили цѣлую систему магистерскихъ испытаній. Можетъ быть, и дѣйствительно для Россіи, при слабомъ состояніи научной литературы, нѣтъ другого средства судить о достоинствѣ будущаго профессора, какъ испытавъ его знанія руководствъ и нѣкоторыхъ лучшихъ заграничныхъ сочиненій въ томъ или другомъ предметѣ. Но кто, занимавшійся наукою сколько нибудь самостоятельно, не видитъ, что это средство куда какъ не надежно. Можно прочесть нѣсколько учебниковъ и даже нѣсколько основныхъ трудовъ значительныхъ дѣльцовъ науки, выдержать по нимъ испытаніе,—и все таки, въ концѣ концовъ, не быть настоящимъ научнымъ дѣятелемъ, какимъ долженъ быть каждый профессоръ.

Вотъ эта-то истина все еще не совсѣмъ знакома нашимъ университетамъ, а въ Дерптѣ она уже давно была извѣстна. Жаль, очень жаль, что обстоятельства мнѣ не позволили вамъ

дать образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, тогда образованіе въ Германіи сдѣлалось бы для васъ во стократъ благотворнѣе. Это мое глубокое убѣжденіе; я прежде былъ того же мнѣнія, но я думалъ, что оно было справедливо только для прежняго времени, а теперь я вижу, что время тутъ ничего не перемѣнило.

Механизма Московскаго магистерскаго испытанія я все еще не возьму въ толкъ. По твоему письму, испытуемый предлагаетъ испытателю вопросы, которые онъ задаетъ себѣ рѣшить при экзаменѣ; далѣе, — какъ мнѣ кажется изъ письма, — эти вопросы испытатель вноситъ вмѣстѣ съ предложеніемъ о допущеніи къ экзамену испытуемаго, въ факультетъ. Но, какъ бы то ни было, вносятся ли эти вопросы въ факультетъ или нѣтъ, мнѣ не понятно то, почему экзаменаторъ (Геррье) опредѣляетъ срокъ испытуемому для подготовки и, еще непонятнѣе, почему онъ предостерегаетъ испытуемаго о возможности быть экзаменуемымъ не имъ самимъ, а другимъ лицемъ *).

Если вопросы вносятся въ факультетъ и, такъ сказать, легализируются имъ, то для экзаменуемаго дѣлается, за исключеніемъ, конечно, личности экзаменатора, все равно, — не можетъ же личность вліять въ такой степени на рѣшенія научныхъ вопросовъ, чтобы съ перемѣною ея пришлось испытуемому измѣнить совершенно способъ и средства подготовки къ экзамену. Если же вопросы не вносятся въ факультетъ, и тѣмъ самымъ не гарантируются за испытуемымъ, то съ перемѣною личностей экзаменатора, ему (т. е. испытуемому) придется, можетъ быть, и перемѣнить вопросы, и даже новый экзаменаторъ, можетъ быть, вздумаетъ измѣнить и весь механизмъ экзамена, предложивъ свои собственные вопросы.

---

*) Эта возможность, nota bene, казалось бы, заставляла его сократить, а не откладывать въ долгій ящикъ срокъ испытанія, если онъ условливается съ испытуемымъ о вопросахъ и способѣ подготовки къ ихъ рѣшенію.

Во всякомъ случаѣ, не понимаю, какъ можетъ экзаменаторъ, не бывъ самъ учителемъ экзаменуемаго и не зная коротко запасы его свѣдѣній, опредѣлять ему произвольно и отъ себя срокъ для подготовки. Онъ (т. е. экзаменаторъ), если это дѣлаетъ, то скорѣй для себя, для своей подготовки, чѣмъ для испытуемаго. Еще болѣе непонятно для меня то, что тотъ же самый экзаменаторъ, предлагающій испытуемому довольно долгій срокъ для подготовки, увѣряетъ его, что, судя по извѣстнымъ даннымъ (диссертаціи, личному знакомству и т. д.), онъ готовъ бы былъ допустить къ пріобрѣтенію степени и безъ экзамена. Эта московская логика для меня уже дѣлается абракадаброю. Но тутъ ничего не подѣлаешь, нужно покориться обстоятельствамъ, и если не логикѣ, то абракадабрѣ фактовъ.

О Кутоpгѣ, что бы теперь ни толковали, будемъ говорить послѣ марта. — Не теряй, ради Бога, времени и денегъ понапрасну. Будь здоровъ и бодръ духомъ. Богъ да благословитъ всѣ твои добрыя начинанія.

Твой отецъ.

---

1) Вл. Ив. Герье сообщилъ мнѣ по этому поводу: «я именно для того и ввелъ экзамены по 18 вопросамъ, чтобы заставить кандидатовъ на ученую степень готовиться по источникамъ. Да такъ они и готовились, въ томъ числѣ и Вл. Ник. Пироговъ».

2) Посланный, въ числѣ другихъ, въ концѣ 1828 г. въ Дерптъ, въ учрежденный академикомъ Парротомъ (George-Friedrich Parrot) профессорскій институтъ для подготовки къ «замѣщенію современемъ профессорскихъ каѳедръ въ четырехъ русскихъ университетахъ», Н. И. Пироговъ, вмѣсто предполагавшихся трехъ, пробылъ тамъ пять лѣтъ вслѣдствіе запрещенія русскимъ выѣзжать заграницу, въ связи съ французской іюльской революціей и съ возстаніемъ въ Польшѣ. Въ Дерптѣ Пироговъ развилъ свою изумительную работоспособность, которую онъ вообще считалъ однимъ изъ необходимыхъ качествъ научнаго дѣятеля, и вынесъ изъ этого періода своей жизни всю ту глубоко-научную подготовку, которая поставила его въ первые ряды міровыхъ медицинскихъ знаменитостей. «Послѣ 5-лѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, — писалъ онъ въ «Дневникѣ стараго врача», — я уже безъ самонадѣянности и безъ самомнѣнія въ правѣ былъ считать себя достаточно приготовленнымъ къ дальнѣйшему самостоятельному занятію наукою». См. также о Дерптскомъ и заграничномъ періодахъ жизни Н. И. Пирогова въ 1828—

1840 гг. — мои статьи съ его неизданными письмами въ «Практическомъ Врачѣ», 1916 г., №№ 42—45, и «Русскомъ Врачѣ», 1916 г., №№ 44—47, и 1917 г., № 5.

3) «Совершенно невѣрно. Безъ сдачи магистерскихъ экзаменовъ нельзя было защищать диссертацію» (Сообщеніе В. И. Герье).

6.

С. Вишня 74 февраля 24.

Любезный другъ Воля, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: ты о деньгахъ, я о диссертаціи. Хотя мы съ тобою и не коммунисты, но въ нашихъ понятіяхъ объ этихъ двухъ вещахъ мы оба какъ-то смѣшиваемъ мое съ твоимъ. Что касается денегъ. то мама разъяснитъ тебѣ, надѣюсь, на сколько можетъ простираться эта смѣшанность нашихъ понятій; касательно же твоей диссертаціи, которая мнѣ кажется столько же моею, сколько мои деньги твоими, я требую, наконецъ, знать, что либо положительное и болѣе утвердительное.

Я очень хорошо понимаю и знаю по собственному опыту, что первые шаги на учено-литературномъ поприщѣ невѣрны и внушаютъ боязнь, а потому и заслуживаетъ скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія, тотъ молодой ученый, который сдѣлаетъ не опрометчиво, а съ оглядкою, но, согласись, душа, что всему есть предѣлъ: чтобы издать въ свѣтъ, на первыхъ же порахъ, что либо совершенное, пожалуй, — при неувѣренности въ собственныхъ силахъ и излишнихъ опасеніяхъ за успѣхъ, молодой ученый проработаетъ за усовершенствованіемъ своего труда,—особливо и съ необходимыми при семъ «отдыхами», — и цѣлую жизнь; то, что вчера казалось оконченнымъ, сегодня ему покажется слабымъ и негоднымъ. Это будетъ нѣчто въ родѣ тканья Пенелопы (кажется, она распускала ночью сотканное днемъ, дѣлая это, конечно, не по сознанію несовершенства, а изъ любви, чего ни одинъ молодой ученый, изъ присущаго ему всегда эгоизма, уже вѣрно не сдѣлаетъ).

Видя изъ твоихъ писемъ (особливо изъ послѣдняго) и зная изъ твоей прежней жизни въ Берлинѣ твою нерѣшительность и склонность къ развлеченію (въ извѣстныхъ предѣлахъ необходимую), я убѣдился, что мнѣ слѣдуетъ непремѣнно у тебя настоять о болѣе точномъ опредѣленіи срока. Когда ты уѣзжалъ, то я былъ почти увѣренъ, — и эту увѣренность я почерпнулъ изъ твоихъ же словъ,—что твоя диссертація уже готова къ напечатанію; было говорено даже нѣсколько разъ о способѣ ея печатанія (въ журналѣ М-ва Н. П.), къ чему, по твоимъ же словамъ, было сдѣлано уже тобою и нѣсколько предварительныхъ переговоровъ. Да иначе и было бы странно съ твоей стороны оставаться болѣе года у насъ въ Вишнѣ, если-бы для составленія твоей диссертаціи требовалось продолжительное пребываніе при источникахъ въ Петербургѣ и Москвѣ; я такъ понималъ, — и все-таки, основываясь на твоихъ-же словахъ, — что уже матеріалы изготовлены тобою прежде въ Берлинѣ, требовалась только дальнѣйшая разработка, которая могла дѣлаться и въ деревенскомъ уединеніи; въ Петербургѣ-же нужны только окончательная отдѣлка, печатаніе и исполненіе извѣстныхъ формальностей.

Теперь же я вижу, что тутъ дѣлается что-то не такъ. И я невольно пришелъ къ убѣжденію, что помѣхою въ исполненіи этихъ предначертаній, тобою же самимъ мнѣ указанныхъ, служитъ или твоя нерѣшительность (мнѣ уже, какъ сказано, извѣстная и подтверждаемая твоими письмами), твое недовѣріе къ собственнымъ силамъ (до извѣстной степени, безъ сомнѣнія, похвальное, перешедшее же за извѣстные предѣлы, также, безъ сомнѣнія, вредное), или же, наконецъ, увлеченіе въ развлеченіяхъ, съ халатными отношеніями къ труду, обыкновенно сопровождающими подобныя увлеченія. И вотъ, я считаю, по данной мнѣ власти надъ тобою отъ Бога, и по долгу совѣсти, спросить тебя или лучше твой разсудокъ *объ опредѣленіи срока.*

При этомъ я тебѣ долженъ объявить *рѣшительно*, что отговорокъ о невозможности опредѣлить срокъ я не приму во вниманіе уже по той простой причинѣ, что и всему на свѣтѣ есть

опредѣленный срокъ, а въ человѣческихъ дѣлахъ онъ опредѣляется волею и обстоятельствами,—на сколько онѣ не подлежатъ волѣ. А отъ тебя я требую опредѣленія только той части срока, которая подлежитъ твоей волѣ. Изъ этого, я надѣюсь, ты усмотришь, что я вовсе не исполняю твоего желанія объ учрежденіи какихъ то философскихъ отношеній къ тебѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя ты изобрѣлъ для самого себя. Эта белиберда объясняется въ моихъ глазахъ слѣдствіями Петербургской масляницы.— Помнишь ли, мы толковали съ тобою о значеніи: omnia vincit labor *improbus* [1]).

Вотъ этотъ-то labor improbus и долженъ помочь тебѣ объ опредѣленіи срока, границы котораго ты, уже давъ однажды себѣ и мнѣ слово, я увѣренъ, не переступишь, чтобы не унизить себя въ собственныхъ и моихъ глазахъ. Повѣрь мнѣ, онъ, т. е. срокъ (и labor improbus) необходимъ, крайне необходимъ. Объяснись *ясно и категорически:* когда диссертація будетъ готова къ печати и какъ ты намѣренъ ее печатать; если печатаніе на свой счетъ уменьшитъ срокъ пребыванія твоего въ Петербургѣ,— безъ опредѣленной цѣли ни къ чему не вѣдущее и деморализующее человѣка безъ опредѣленныхъ занятій,—то уже этимъ однимъ достигнуто будетъ многое и въ нравственномъ, и матеріальномъ отношеніяхъ [2]).

Какъ я уже сказалъ, о деньгахъ будетъ подробно объясняться съ тобою мама, я скажу только, что *больe 2000 въ годъ, до окончанія* (т. е. напечатанія, защищенія, полученія диплома и еще до полученія мѣста службы) при теперешнихъ обстоятельствахъ (паденіи курсовъ, невозможномъ сбытѣ пшеницы, невозможности найдти надежныхъ арендаторовъ), *я давать не могу* тебѣ, а долговъ ты, послѣ пережитыхъ тобою плачевныхъ испытаній, крѣпко надѣюсь, не надѣлаешь на твою голову.

Твой всегда тебя крѣпко любящій отецъ.

---

1) Все преодолѣвается упорнымъ трудомъ.

2) Диссертація напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1878 г., въ частной типографіи О. И. Бакста, и тогда же защищена въ Москвѣ. См. ниже — примѣчаніе къ письму № 17 и примѣчаніе 2-е къ письму № 18.

7.

С. Вишня 74 Іюня 1.

Любезный Воля. Надѣюсь, что ты уже прочелъ мое первое письмо, я же, получивъ твое второе, продолжаю мое первое [1]). Ты продолжаешь все таки увлекаться, какъ я вижу, и дѣйствительность еще не обдала тебя холодной водою и не внесла болѣе практичности въ твое житье-бытье. Ты еще «внутренно», какъ ты объясняешь, не сознаешь («не теряешь надежды»), неудачи. Неужели же у тебя такъ мало мужскаго достоинства, чтобы не забавлять себя надеждою на возобновленіе отношеній съ лицами, не желающими знакомства съ тобою подъ благовиднымъ предлогомъ? Быть не можетъ, чтобы ты по уши втюрился въ особу, тебѣ мало, — какъ изъ всего теперь ясно, — знакомую и возбудившую въ тебѣ только *симпатію*.

Господи, Боже мой! Мало ли на свѣтѣ есть особъ, которыя возбуждаютъ съ перваго же раза нашу симпатію; отлично, — что и говорить, — если такую же симпатію возбуждаемъ мы и сами въ томъ, кто намъ приглянулся, но, узнавъ разъ или понявъ чрезъ чтеніе между строками, что наше (едва народившееся чуство) [2]) не раздѣляется, глупо бы было съ нашей стороны убаюкивать себя разными надеждами и авосями, — авось еще понравлюсь; вѣдь, это значило бы ронять себя въ собственныхъ глазахъ да еще и съ опасностію для себя — возбужденія въ сердцѣ искусственнаго и, такъ сказать, насильно новорожденнаго чуства, которое благоразуміе и чуство собственнаго достоинства (пожалуй, и самолюбіе, — тутъ оно умѣстно) тре-

буютъ заглушить, какъ можно скорѣе, чтобы оно не мѣшало ходу жизни и не портило его [3]).

О, молодость молодость! Поневолѣ скажешь: Si la jeunesse savait, si la viellesse pouvait, — какъ же ты хочешь, чтобы мы не безпокоились о тебѣ и предоставили все дѣло времени и волѣ Божіей; да, конечно и несомнѣнно: «да будетъ воля Твоя»; произнося эти слова на молитвѣ, я всегда прибавляю отъ себя: «Научи меня творить Ее и безропотно повиноваться Ей». Это нашъ долгъ, и ничего лучшаго въ нашей слабости и нашемъ невѣдѣніи путей Промысла мы не можемъ придумать; но, вѣдь, Воля Его выражается, — для неизвѣстныхъ намъ, но, безъ сомнѣнія, существующихъ для каждаго вѣрующаго цѣлей, — въ нашей собственной волѣ и нашемъ умѣ, иначе, — для чего бы и существовать этой нашей волѣ и нашему уму, направляемымъ свыше. Принявъ же это за аксіому каждаго вѣрующаго, мы должны, мы обязаны предъявлять указанія нашей воли и нашего ума и другимъ, связаннымъ съ нами житейскими,—и тѣмъ болѣе еще «кровными» узами.

Какой былъ бы я отецъ, если бы, видя ясно увлеченія и колебанія въ дѣйствіяхъ сына, не сказалъ ему: «опомнись, остановись, размысли, не иди туда, куда тянетъ тебя увлеченіе и злоба дня». Не даромъ же я жилъ на свѣтѣ, не даромъ любилъ искренно моихъ дѣтей. Кто осудитъ меня, что я ихъ житейскими дѣйствіями желаю поддержать честь моего имени, ничѣмъ не замараннаго въ глазахъ добросовѣстныхъ людей.

Я вправѣ себя считать принадлежащимъ къ аристократіи ума, — это не гордость, не фанаберія, — это право, данное мнѣ трудомъ и опытомъ [4]); а всякая аристократія естественно стремится поддержать себя наслѣдственностію, и потому естественно, что я ищу поддержать мое достоинство въ моихъ дѣтяхъ и для меня не могутъ быть безразличны ихъ дѣйствія, поступки, чувства, связи, стремленія, словомъ, все ихъ житье бытье. Я въ правѣ требовать и отъ моихъ дѣтей сочувствія моимъ видамъ и стремленіямъ, клонящимся къ поддержанію чести и блага всей

нашей маленькой семьи. При такомъ моемъ взглядѣ на жизнь, ты можешь себѣ легко представить, каково мнѣ, когда я замѣчаю, что дѣти не стремятся общими со мною усиліями поддержать и содѣйствовать росту того умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго капитала, который я, заботами и трудами, скопилъ не для одного себя, а и для всей семьи, въ упованіи на помощь Божію къ дальнѣйшему ея развитію и преуспѣянію.

Если тебѣ непріятно разочарованіе въ увлеченіяхъ, то пойми, во сколько разъ тяжелѣе для меня неисполняющаяся надежда на осуществленіе серьознаго взгляда на жизнь цѣлаго семейства, будущее котораго составляло цѣль жизни. Я хотѣлъ быть родоначальникомъ почтеннаго и уважаемаго семейства, конечно, надѣясь на помощь Бога. Я молилъ Его, чтобы моя воля была исполнительницею Его святой Воли, и мнѣ казалось, когда вы выросли и окрѣпли, при нашихъ родительскихъ и самыхъ добросовѣстныхъ заботахъ, что надежды и желанія мои могутъ дѣйствительно исполниться.

Поставь себя хоть на минуту на мое мѣсто, вспомни, что ты также будешь, можетъ быть, отцемъ, и скажи, положа руку на сердце, могутъ-ли быть безразличны для меня ваши увлеченія, ваши неустановившіеся, и нерѣдко діаметрально противоположные моимъ, взгляды на жизнь и стремленія. Вы оба[5]), какъ будто не желаете содѣйствовать мнѣ къ упроченію и возвышенію нашего рода, нашего имени, постоянно колеблетесь, смотрите какъ то слегка на то, что кажется мнѣ, да и не можетъ не казаться, дѣломъ первостепенной важности, задаткомъ къ упроченію вашей жизни, вашего будущаго, да еще и просите, чтобы васъ предоставили всецѣло вашимъ собственнымъ колебаніямъ; какъ будто бы я самъ не былъ бы чрезвычайно радъ предоставить васъ самимъ себѣ, если бы видѣлъ твердое слѣдованіе по одному пути, ведущему къ извѣстной, однажды опредѣленной цѣли[6]).

Когда ты, вмѣсто слѣдованія плану, однажды обсужденному и принятому, вдругъ рѣшился бросить его, ты просилъ, также

основываясь на какомъ-то твоемъ философскомъ взглядѣ на жизнь, чтобы предоставить тебя самому себѣ и оставить всѣ заботы о твоемъ будущемъ поприщѣ; теперь повторяется въ твоемъ письмѣ, послѣ испытанной передряги не въ пору обнаружившагося чуства, то же самое; а замѣчаніе, высказанное тобою въ этомъ же письмѣ о твоей склонности къ городской жизни, читаю я между строками такъ: не заманивайте меня къ себѣ въ деревню; я этого и не дѣлаю, но желалъ бы знать, что ты предпримешь теперь, послѣ пережитыхъ безъ всякой надобности и не въ пору треволненій чуства, оставаясь въ Петербургѣ и, конечно, оставивъ безъ вниманія то, на что я такъ настаивалъ, именно окончаніе диссертаціи и пріобрѣтеніе, при полученіи степени, извѣстнаго общественнаго самостоятельнаго положенія.

Если бы ты, не колеблясь и вѣрный плану, однажды принятому, осуществилъ его, не разсѣиваясь и не увлекаясь въ сторону, ничто не мѣшало бы тебѣ удовлетворить потомъ и естественнымъ влеченіемъ сердца. Ничто не мѣшаетъ и теперь исправить слѣдствія не въ пору пришедшаго увлеченія. Нуженъ только здравый смыслъ, воля и рѣшительность, которую ты, по твоимъ словамъ, только иногда проявляешь, — и, какъ мнѣ кажется, не всегда кстати, если вспомнишь немного прошедшее; теперь же это рѣшительно было-бы, какъ нельзя болѣе, необходимо и, вмѣсто того, чтобы, какъ ты также заявляешь себѣ, «*и жить долгое время извѣстною мыслью или извѣстнымъ чуствомъ*», — я совѣтую тебѣ именно теперь вытащить изъ твоего нравственнаго арсенала весь запасъ рѣшимости, которою ты, по твоимъ словамъ, въ случаѣ нужды, можешь располагать. Этотъ случай теперь именно и представляется.

Рѣшась серьозно заняться окончаніемъ твоей письменной работы, ты достигъ бы слѣдующихъ трехъ важныхъ обстоятельствъ: 1) ты съ пользою бы для себя разсѣялъ непріятное сердечное чуство, такъ какъ ничто столько не помогаетъ къ ослабленію такого рода непріятныхъ ощущеній, какъ серьозный умственный трудъ, — и только вѣтренные мальчишки стараются

кутежомъ и разгуломъ подавить душевную тревогу, люди же, получившіе научное образованіе, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ умственному труду; 2) ты исполнилъ бы этимъ мое искреннее желаніе, то-есть одно чуство замѣнилъ бы, хотя бы на время, другимъ, — уваженіемъ и любовью къ отцу, ищущему въ упроченіи соціальнаго положенія своихъ сыновей общаго семейнаго блага; 3) ты возбудилъ бы въ себѣ чуство собственнаго достоинства и естественое самолюбіе, теперь, очевидно, заглохшія въ тебѣ временно.

Я привыкъ уже, какъ это ни больно для меня, что мои совѣты плохо принимаются моими дѣтьми, полагающими, что я, въ моихъ лѣтахъ и при моемъ положеніи, не могу становиться на ихъ точку зрѣнія [7]), принимаемую ими за непреложную, тогда какъ я именно обвиняю себя въ томъ, что я слишкомъ много становлюсь на точку зрѣнія другихъ и недостаточно самолюбивъ, чтобы настоять у другихъ слѣдованія моимъ взглядамъ, перѣдко, конечно, какъ и все человѣческое, ошибочнымъ, но, все-таки, взятымъ не съ воздуха, а пріобрѣтеннымъ опытомъ и размышленіемъ. Такъ какъ ты, по весьма понятной причинѣ, ничего не пишешь, какъ ты намѣренъ поступить относительно твоей университетской карьеры, и я ничего не знаю, причисленъ ли ты окончательно къ Варшавскому Университету [8]), то я также не распространяюсь объ этомъ предметѣ; но все таки не могу опять не повторить моего совѣта о серьозныхъ занятіяхъ съ этою цѣлью, чтобы разъ выйдти на чистую воду, забывъ какъ можно скорѣе прошедшее и не раздражая себя безцѣльно дальнѣйшимъ развитіемъ чуства, нераздѣляемаго предметомъ, къ которому оно направлено.

Упроченное соціальное положеніе и серьозныя умственныя занятія окажутъ, безъ сомнѣнія, свое цѣлебное дѣйствіе, а склонность къ наслажденію семейной жизнію получитъ при этихъ двухъ условіяхъ болѣе прочный характеръ; да и семейное счастье, даруемое Богомъ, будетъ прочнѣе, когда оно достигается при спокойномъ расположеніи духа, при извѣстной, болѣе самостоятель-

ной, осѣдлости и при размышленіи, обнимающемъ вмѣстѣ съ сердечною стороною и другія не менѣе важныя отношенія и условія при выборѣ жены.

Твой отецъ.

---

1) Письма (или писемъ) за время отъ 24 февраля до 1 іюня въ нашемъ собраніи нѣтъ.

2) Слово чувство Пироговъ пишетъ безъ буквы «в» еще въ письмахъ къ А. А. Бистромъ (1851 г.), а также въ «Дневникѣ стараго врача» (1879—1881 гг.). Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается правильное начертаніе.

3) Неизвѣстно, о комъ говорится въ этомъ письмѣ. В. Н. Пироговъ женился значительно позже, въ 1879 г., въ Петербургѣ. Жена его, сестра милосердія М. А. Арнеско, какъ передавалъ мнѣ В. Н. Пироговъ, родилась еврейкой (дѣдъ ея былъ раввиномъ), но въ дѣтствѣ попала въ какой-то румынскій монастырь. Скончалась въ 1899 г. Дѣтей у нихъ не было.

4) Въ письмѣ къ Е. А. Березиной (безъ даты, относится къ началу 1842 г.) Н. И. Пироговъ писалъ: «Что были бы годы жизни, проведенные мною, если бы въ нихъ не было тѣхъ сладкихъ мгновеній и часовъ, которые доставляли мнѣ занятія наукою; онѣ заставляли меня забывать ничтожную мелочность предразсудковъ, съ благородной гордостію смотрѣть на низкія пошлости свѣта и съ внутреннимъ сознаніемъ собственнаго достоинства презирать безсмысленные толки черни. Наука поставила меня выше толпы, наука заставила меня любить истину, наука послужила къ развитію во мнѣ святой идеи о долгѣ и обязанности до такой степени, что я самое чувство подчинилъ этой идеѣ и готовъ умереть хладнокровно, когда этого будетъ требовать долгъ, возлагаемый на меня наукою». Въ письмѣ отъ 12 марта 1850 года къ А. А. Бистромъ читаемъ: «Послѣ вдохновенной молитвы, внушенной вѣрою, упованіемъ и любовью, ничто такъ не можетъ уничтожить пустоту души, какъ наука».

5) Вы оба — подразумѣвается и старшій братъ В. Н., Николай Николаевичъ Пироговъ, род. 7 ноября 1843 г. въ С.-Петербургѣ. О первоначальномъ его образованіи говорилось выше; сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ Немировѣ весною 1862 г.; затѣмъ нѣсколько лѣтъ посѣщалъ лекціи въ университетахъ Гейдельберга, Берлина и Оксфорда, занимаясь преимущественно физикой. Въ 1867 г. получилъ въ Кіевѣ степень кандидата математическихъ наукъ. Нѣкоторое время служилъ въ Лондонскомъ отдѣленіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли, затѣмъ въ Петербургѣ, въ Министерствѣ Финансовъ, при Н. Х. Бунге, личномъ другѣ Н. И. Пирогова. Оставивъ въ концѣ 80-хъ годовъ казенную службу, Н. Н. Пироговъ вернулся къ занятіямъ математикой и принималъ близкое участіе въ трудахъ СПб. Физико-химическаго общества. Скончался 16 ноября 1891 г. отъ разрыва сердца, по возвращеніи домой изъ засѣданія названнаго общества. Былъ женатъ, съ 1883 г., на А. Г. Кюзель. Двѣ его дочери — Лидія Ник. Мазирова и Александра Ник. Гершельманъ — представительницы рода Н. И. Пирогова. Родные братья Н. И. Пирогова умерли въ дѣтствѣ. Лишь одинъ изъ нихъ,

Петръ Ивановичъ, дожилъ до 50-лѣтняго возраста и умеръ отъ холеры въ 1848 г. Онъ былъ женатъ, но неизвѣстно, оставилъ-ли дѣтей.

6) Въ рѣчи при прощаніи съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, 4 апрѣля 1861 г., Н. И. Пироговъ говорилъ: «Разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно ненарушимое: это — господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ея вмѣстѣ съ нами. Я, съ своей стороны, не перестану служить ей такъ же вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами».

7) Въ рѣчи при прощаніи со студентами университета св. Владиміра, 8 апрѣля 1861 г., Н. И. Пироговъ говорилъ: «Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать я чужую молодость, любить и, главное, уважать ее... Кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству». Изъ этого отрывка видно, что Н. И. Пироговъ умѣлъ понимать и цѣнить увлеченія и порывы, весьма отличные отъ тѣхъ, о которыхъ ему приходилось говорить въ письмахъ къ сыну.

8) Въ концѣ концовъ, В. Н. Пироговъ остановился на профессурѣ въ Новороссійскомъ университетѣ. См. ниже — письмо № 18 и ср. письмо № 11, гдѣ говорится о намѣреніи В. Н. занять доцентуру въ Москвѣ.

8.

74. Октября 18.

Вѣроятно, ты еще не выкупилъ твой теплый бекешъ изъ залога и отъ того простудился; но объ этомъ поговоримъ серьознѣе послѣ; теперь же, предъ экзаменомъ, не хочу тебѣ портить твое душевное настроеніе, — а предлагаю въ прилагаемомъ рецептѣ лѣкарства отъ рецидивовъ дифтерита. Желалъ бы отъ души тебѣ успѣха въ магистерствѣ и доцентствѣ; хотя и докторство не дѣлаетъ еще человѣкомъ, но все-таки я надѣюсь, что, выбравшись послѣ экзамена [1]) на торный путь и сдѣлавшись болѣе независимымъ отъ меня, ты будешь благоразумнѣе въ жизни.

Смотри, на экзаменѣ остерегайся, но не будь ни слишкомъ самонадѣяннымъ, ни слишкомъ трусливымъ. Тихонравовъ [2]), вѣрно, къ тебѣ будетъ придираться, и я боюсь, чтобы онъ чего-нибудь не подгадилъ.

Смотри, не кути и сейчасъ же выкупи твою шубу, если она еще заложена, чтобы не простудиться.

Твой отецъ.

Растворомъ argentum nitricum смазывай кисточкой въ зѣвѣ во рту 1 разъ въ день. Полоскай другою жидкостью 2 раза въ день. Лѣкарство принимай 2 ложки въ день *постоянно*.

---

1) Магистерскіе экзамены В. Н. Пироговъ сдалъ въ Москвѣ у В. И. Герье. См. слѣдующее письмо.

2) Неизвѣстно, на чемъ основано это недовѣріе Н. И. Пирогова къ профессору Николаю Саввичу Тихонравову, бывшему въ то время деканомъ историко-филологическаго факультета въ Москвѣ. Врядъ ли оно могло быть личнаго характера. Впослѣдствіи, въ качествѣ ректора университета, Н. С. Тихонравовъ устраивалъ въ 1881 г. 50-лѣтній юбилей Н. И. Пирогова, который въ письмѣ къ І. В. Бертенсону отъ 16 апрѣля 1881 г. выразилъ желаніе, чтобы на имя Тихонравова посылались всѣ привѣтствія и чтобы отъ него исходили приглашенія на юбилей, распоряженія и т. п. (см. Сочиненія, т. I, изд. 1914). Къ самому юбилею Тихонравовъ издалъ «справку изъ документовъ университетскаго архива — Н. И. Пироговъ въ Московскомъ Университетѣ (1824—1828)», М. 1881, 12 стр. in 4⁰ (включено въ собраніе сочиненій Н. С. Тихонравова, М. 1898, т. III, ч. 2; здѣсь же напечатана привѣтственная рѣчь Н. С. къ Пирогову, въ которой онъ говорилъ: «юбиляръ воспитывалъ насъ своимъ геніемъ, своими научными трудами, своимъ служеніемъ обществу, по евангельскому слову, зноемъ и тяготою своей жизни, онъ воспитываетъ насъ и теперь, своимъ настоящимъ праздникомъ»). Въ своихъ письмахъ къ вдовѣ Н. И. Пирогова по поводу его кончины, Н. С. Тихонравовъ говоритъ, что былъ счастливъ личнымъ знакомствомъ съ Н. И., обаяніе возвышеннаго образа котораго никогда не изгладится изъ его памяти (Письма Тихонравова напечатаны въ моей замѣткѣ «Матеріалы къ біографіи Н. И. Пирогова» въ сборникѣ «Н. И. Пироговъ и его наслѣдіе», Спб. 1911). По поводу этого письма снова приходится пожалѣть, что не сохранились письма В. Н. Пирогова къ отцу. Быть можетъ, здѣсь нашлась бы разгадка недовѣрія Н. И. Пирогова къ безпристрастію Тихонравова.

9.

74. Ноября 15.

Изъ послѣдней твоей записки я усматриваю, что, врядъ ли твоя письменная работа удовлетворила твоихъ московскихъ экзаменаторовъ, и тянутъ, вѣроятно, чтобы оборвать. Въ случаѣ плохого исхода, не откладывай въ длинный ящикъ, убѣдись скорѣе, побывавъ у Геррье или у декана, въ *да или нѣтъ*. Когда нѣтъ, то бери твои бумаги и уѣзжай скорѣе въ Дерптъ [1]). Увѣряю, что тамъ пойдетъ лучше, я тебя снабжу письмомъ къ ректору. Я изъ этого тянутія или разстягиванія не дѣлаю хорошаго прогноза. Впрочемъ, Богъ тебѣ помочь.

Твой отецъ.

---

1) См. выше — письмо № 5, отъ 8 января 1874 г. Въ виду отсутствія писемъ В. Н. Пирогова къ отцу за время, когда В. Н. сдавалъ въ Московскомъ университетѣ экзамены на степень магистранта, приведу здѣсь выдержки изъ протоколовъ засѣданій историко-филологическаго факультета, предоставленныхъ въ мое распоряженіе при любезномъ содѣйствіи проф. В. И. Герье. Въ выпискѣ изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Факультета читаемъ: 1) 1874 года 18-го марта, въ засѣданіи Историко-филологическаго факультета слушано было словесное заявленіе О. Проф. В. И. Герье, ходатайствовавшаго о допущеніи Доктора Берлинскаго Университета Пирогова къ испытанію на степень Магистра Всеобщей исторіи. Опредѣлено: Разрѣшить приступить къ испытанію г. Пирогова съ тѣмъ условіемъ, чтобы одинъ изъ отвѣтовъ былъ изложенъ письменно на русскомъ языкѣ. 2) Въ засѣданіи 14-го октября того-же года читано было предложеніе Г. Ректора Университета отъ сего же числа о допущеніи Доктора Германскаго Университета Владиміра Пирогова къ установленному испытанію на степень Магистра Всеобщей исторіи. *Опредѣлено*: Приступить къ испытанію Г. Пирогова въ слѣдующемъ засѣданіи факультета. 3) Въ Засѣданіи 4-го ноября того же года приступлено къ испытанію В. Пирогова. — Вопросъ для письменнаго отвѣта предложилъ по древней исторіи О. проф. Н. А. Поповъ: «Борьба патриціевъ и плебеевъ». — Отвѣтъ признанъ *удовлетворительнымъ*. 4) Въ Засѣданіи 18-го ноября того же года О. Проф. Н. С. Тихонравовъ доложилъ факультету, что данный въ предыдущемъ засѣданіи письменный отвѣтъ магистранта Пирогова онъ находитъ со стороны изложенія *весьма удовлетворительнымъ*. — Орд. Проф. В. И. Герье предложилъ магистранту нѣсколько вопросовъ для устныхъ отвѣтовъ по Римской исторіи. — Отвѣты признаны *удовлетворительными*. — Вопросъ по Средневѣковой исторіи предложилъ О. Проф. В. И. Герье: «Остготское и другія германскія государства, возникшія

на развалинахъ Римской Имперіи».—Отвѣтъ признанъ *удовлетворителенымъ*.— 5) Въ засѣданіи 25-го ноября продолжаемо было испытаніе доктору Пирогову. Вопросъ по Исторіи новаго времени предложилъ О. Проф. В. И. Герье: «Французская Монархія въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ». — Отвѣтъ признанъ *удовлетворительнымъ*. — 6) Въ засѣданіи 16-го декабря того-же года преподавателемъ Политической Экономіи А. И. Чупровымъ предложенъ было доктору Пирогову слѣдующій вопросъ: «Историческія обстоятельства, вызвавшія появленіе теоріи меркантилизма; главныя основанія теоріи и практики меркантилизма».— Отвѣтъ, данный г. Пироговымъ на этотъ вопросъ, признанъ былъ *удовлетворительнымъ*. О. П. Поповымъ предложенъ былъ г. Пирогову вопросъ: «Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ древней Руси».—Отвѣтъ г. Пирогова на сей вопросъ признанъ былъ *удовлетворительнымъ*.

Опредѣлено: Признать испытаніе Доктора Берлинскаго Университета Пирогова на степень Магистра Всеобщей исторіи оконченнымъ *удовлетворительно*.

Послѣ этого дѣло на нѣсколько лѣтъ заглохло по причинамъ, зависѣвшимъ отъ В. Н. Пирогова и уясняющимся изъ дальнѣйшихъ писемъ его отца. И только въ апрѣлѣ 1877 г. факультетъ сообщилъ ректору, что на основаніи изложеннаго испытанія факультетъ призналъ за В. Н. Пироговымъ право на представленіе узаконеннаго разсужденія для окончательнаго пріобрѣтенія искомой имъ степени.

Но и теперь дѣло растянулось еще на $1^1/_2$ года. Наконецъ, В. Н. Пироговъ преодолѣлъ всѣ трудности по достиженію степени магистра, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка изъ журнала засѣданія Совѣта Императорскаго Московскаго Университета отъ 2-го Декабря 1878 года: «Статья 9. Слушали: Донесеніе Историко-Филологическаго факультета отъ 2-го Декабря за № 52. Въ публичномъ засѣданіи Историко-Филологическаго факультета 29 минувшаго Ноября докторъ Берлинскаго Университета Владиміръ Пироговъ защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «*Изслѣдованія по Римской исторіи преимущественно въ области третьей декады Ливія*» и факультетъ, признавъ защиту удовлетворительною, объявилъ Пирогова достойнымъ степени Магистра Всеобщей исторіи. Донося о семъ Совѣту Университета, Историко-Филологическій факультетъ проситъ объ утвержденіи своего постановленія. Опредѣлили: *Утвердить Доктора Берлинскаго Университета Пирогова въ степени Магистра Всеобщей Исторіи* и выдать на оную надлежащій дипломъ». См. дальнѣйшія письма Н. И. Пирогова къ сыну.

10.

Вишня 74. Декабря 9.

Самый краткій зимній день и на дворѣ просто весна, на солнцѣ градусовъ 15 теплоты, снѣгъ, пролежавъ въ ноябрѣ не-

дѣли съ 2, весь стаялъ, зеленѣютъ поля со всходами, — просто чудо. Я гулялъ въ одномъ пальтѣ, въ саду работаютъ...

Не думай, любезный Воля, что это я нарочно хвалю нашъ климатъ, чтобы отговорить тебя отъ поѣздки въ Петербургъ и заманить къ себѣ. Прогуляться немного, сдавши экзаменъ, конечно, не мѣшаетъ, но по моему еще лучше не откладывать диссертацію въ долгій ящикъ и не ставить себѣ задачею непремѣнно опоздать съ нею для лѣтняго семестра. На деньги, высылаемыя къ тебѣ, правда, ты долго не нагуляешь въ Питерѣ (но задолжать, пожалуй, и съ ними не невозможно). Еще хуже, — и въ этомъ случаѣ я уже поѣздку въ Питеръ никакъ бы не оправдалъ, — если ты вздумаешь отправиться туда, не докончивъ экзамена до праздниковъ, — это было бы уже вовсе неблагоразумно.

Всѣ эти *предостереженія* (или, по твоей терминологіи, выставленія когтей родительской заботы), какъ бы ты ихъ ни принялъ, я считалъ съ моей стороны необходимыми для твоей увлекающейся натуры. Я былъ всегда того мнѣнія, что для молодого человѣка перемѣна мѣстности въ свободное время и пріятна, и полезна, и потому никогда не противился высылкѣ тебѣ денегъ на вакаціонное время; но ты лучше меня знаешь, что это тебѣ до сихъ поръ не шло въ прокъ,—вспомни, напримѣръ, поѣздочку въ Парижъ и ея плачевныя слѣдствія...

И такъ, напоминаю, будь благоразуменъ, пора, — и когда поѣдешь въ Петербургъ, то, во-первыхъ, ступай къ Марку Николаевичу [1]) и къ Машѣ (если она въ Петербургѣ), во-вторыхъ, не забудь Петербургскій климатъ и твое расположеніе къ болѣзнямъ горла и зѣва (жабамъ, дифтериту) и пр., а, въ третьихъ, не увлекайся. Деньги теперь нужно намъ беречь, и вы оба для себя же самихъ должны въ этомъ помогать намъ; мы имѣемъ въ виду покупку имѣнія (можетъ быть, она даже состоится и на-дняхъ), для этого должны взять на себя довольно значительный долгъ, а долгъ въ моихъ глазахъ дѣло святое, и его нужно выплатить, хотя бы пришлось и отказывать себѣ временно въ раз-

личныхъ расходахъ. Прощай, будь здоровъ и веселъ и храни тебя Богъ.

Твой отецъ.

---

1) Маркъ Николаевичъ Любощинскій, сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта; Маша — его жена, Марья Антоновна, урожденная баронесса Бистромъ, старшая сестра А. А. Пироговой. М. А. Бистромъ была въ замужествѣ три раза: за сен. Ершовымъ, за сен. В. Быковымъ и за М. Н. Любощинскимъ. О послѣднемъ — въ «Запискахъ» А. В. Никитенко.

11.

С. Вишня. 75. Генваря 31.

NB. (Совѣтую обратить серьозное вниманіе на data въ письмахъ и пріучиться, — какъ это я сдѣлалъ послѣ многолѣтнихъ попытокъ, — начинать письмо всегда, за исключеніемъ оффиціальныхъ писемъ, — годомъ и числомъ. Историку, и особливо историку съ германскимъ направленіемъ, должно быть болѣе, чѣмъ кому либо, извѣстно, какую важную роль числа играютъ во всякаго рода письменныхъ документовъ, какъ бы они ни казались маловажными профанамъ и женщинамъ, преимущественно же вѣтреннымъ блондинкамъ).

Сколько ни думаю, любезный Воля, но никакъ не придумаю, какимъ потаеннымъ воззрѣніемъ ты руководствовался, переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ. Не понимаю также, къ чему было скрывать отъ насъ желаніе и причину этого переселенія. Полагая, что ты не ошибся въ предположеніи о возможности или, лучше, вѣроятности получить доцентуру въ Москвѣ [1]), я остановился теперь самъ на предположеніи, — по моему, единственно еще сколько нибудь разумномъ, — что ты переселился въ Петербургъ съ мыслію найдти, можетъ быть, и нѣчто лучшее или болѣе подходящее для твоихъ склонностей, чѣмъ московская до-

центура. Это, конечно, было бы довольно цѣлесообразно, но только въ томъ случаѣ, если бы не существовало вовсе опасенія, погнавшись за двумя зайцами, не поймать ни одного.

Къ сожалѣнію, эта пословица въ жизни оправдывается на каждомъ шагу, и особливо у насъ въ Россіи, гдѣ зайцевъ много, а у охотниковъ на нихъ глаза разбѣгаются. Зная меня, надѣюсь, ты мнѣ никогда не приписывалъ желанія того, чтобы мои дѣти кому либо *«глаза мозолили»*, не исключая и меня самого. Но средства и цѣль не одно и то же. Настойчиво преслѣдовать однажды обдуманную цѣль означаетъ характеръ, а избирать для этого подходящія средства зависитъ отъ благоразумія и нравственныхъ началъ каждаго: тутъ не годятся ни слишкомъ большая эластичность совѣсти, ни излишняя щепетильность и самоѣдство.

Теперь, спрашивается, — предполагая все-таки вѣроятность, основанную на очевидныхъ доводахъ о полученіи доцентуры въ Москвѣ, — не удалился ли ты отъ цѣли или не удалилъ ли ты ее отъ себя, пустившись за новыми, отдаленными и менѣе вѣрными поисками въ Петербургѣ, — опять-таки, предполагая, что ты ихъ, дѣйствительно, имѣлъ въ виду при твоемъ неожиданномъ для меня переселеніи? Напоминать о своемъ умственномъ существованіи своимъ присутствіемъ, дѣйствіями, бесѣдою и т. п. *), еще не значитъ мозолить глаза и надоѣдать. Для чего бы давать другимъ, можетъ быть, преслѣдующимъ ту же самую, какъ и ты, цѣль, большій шагъ успѣха предъ собою, особливо, если найдутся

---

*) Присутствіе, слово и т. п. — это, не забудь, рефлексы, дѣйствующіе почти незамѣтно и безсознательно на окружающихъ насъ, но дѣйствуютъ постоянно и очевидно. Кто хотя сколько нибудь изучалъ нравственный бытъ человѣка физіологически, тотъ не можетъ сомнѣваться въ мощномъ, хотя и незамѣтномъ для неоткрытаго глаза, дѣйствіи, повидимому, самыхъ незначительныхъ впечатлѣній чрезъ рефлексъ на нашъ нравственный бытъ.

и такіе, которые не отступили бы и отъ мозоленія глазъ протекторамъ?

Такое отступленіе отъ своей цѣли было бы уже слишкомъ щепетильно и сентиментально, въ наше практическое время оно было бы и смѣшно по своей наивности. А что претенденты, даже и болѣе компетентные, легко забываются въ отсутствіи (отсутствующіе всегда не правы, это извѣстно) и сами своимъ отсутствіемъ даютъ предлогъ своимъ противникамъ обойдти тебя, — этого, конечно, ты не будешь отвергать различными софизмами. Къ сожалѣнію, можетъ быть, тебѣ придется упрекнуть себя въ томъ, что не захотѣлъ посовѣтоваться съ опытомъ при твоемъ переселеніи. Но теперь дѣло сдѣлано, старайся самъ уже не повредить себѣ.

Не нравится мнѣ также извѣстіе, сообщаемое тобою, о предпринятомъ усовершенствованіи твоей будущей магистерской диссертаціи; — конечно, не потому, что она будетъ лучше разработана, а по нѣкоторымъ антецеденціямъ. Нѣкогда ты писалъ также и заграницею о предпринимавшихся тобою усовершенствованіяхъ диссертаціи (въ Берлинѣ и, кажется, еще въ Лейпцигѣ), но эти работы, оказалось, имѣютъ надъ тобою слишкомъ увлекательное дѣйствіе. Nonum prematur in annum, — прекрасно, что и говорить, — только, врядъ ли исполнимо для магистерской диссертаціи. Не лучше ли это правило соблюдать для работъ, по своей натурѣ менѣе срочныхъ, чѣмъ диссертаціи.

Любопытно бы было мнѣ слышать хоть сколько нибудь подробно о тѣхъ «Errungenschaften», которыхъ ты, по моему только предположенію, имѣешь въ виду достигнуть пребываніемъ въ С.-Петербургѣ. Въ твоей, конечно, волѣ выбирать себѣ карьеру, наиболѣе подходящую твоимъ склонностямъ, но я полагаю, что, по крайней мѣрѣ, на первое время, врядъ ли найдется для тебя болѣе подходящая доцентуры при университетѣ. Очевидно, тебѣ нужно, при твоемъ желаніи заниматься исторіею научно, по-германски, одно изъ двухъ: или оставаться постоянно въ этой коллеѣ, — значитъ, учиться и учить, и въ ней же чрезъ дальнѣй-

шіе успѣхи и самоусовершенствованіе искать и способовъ существованія (независимаго, по возможности), или же получить такую должность, которая, обезпечивая болѣе или менѣе средства существованія (разумѣется, вмѣстѣ съ получаемыми средствами отъ насъ) оставляла бы тебѣ достаточно времени и возможности заниматься con amore и научно избраннымъ тобою предметомъ.

Первое—это, безъ сомнѣнія, доцентура; второе—это должность въ родѣ синекуры. Спрашивается, что вѣроятнѣе достигается? Рѣшить, кажется, не трудно. Я полагаю—первое. Во всякомъ случаѣ, если ты намѣревался, какъ я *предполагаю* (а иначе твое переселеніе въ Петербургъ означало бы только охоту разсѣяться и нѣчто въ родѣ исканія приключеній и сильныхъ ощущеній), осмотрѣться и поискать болѣе пригоднаго для себя въ Петербургѣ, то ты долженъ дѣйствовать только въ двухъ сказанныхъ направленіяхъ. А это требуетъ большой осторожности. Если въ Москвѣ ты имѣлъ шансы на доцентуру, то, отыскивая ее въ Петербургѣ, ты можешь себѣ легко повредить у своихъ московскихъ доброжелателей и противниковъ. И такъ, смотри, не увлекайся, если уже не увлекся, старайся поддержать, хотя письменно и другимъ способомъ, связи съ Москвою, ослабленныя твоимъ переселеніемъ.

Т. О.

---

1) Ср. письмо № 7, отъ 1 іюня 1874 г., гдѣ говорится о доцентурѣ въ Варшавѣ. В. И. Герье по этому поводу сообщилъ мнѣ: «Не помню, чтобы шла у насъ, въ Московскомъ университетѣ, рѣчь о доцентурѣ В. Н. Пирогова. Послѣ ухода М. С. Куторги я былъ избранъ штатнымъ ординарнымъ профессоромъ, а вторымъ преподавателемъ всеобщей исторіи былъ выбранъ П. Г. Виноградовъ, выдвинувшійся уже тогда своими учеными трудами. Естественно, что В. Н. Пироговъ и не могъ предлагаться въ доценты».

12.

С. Вишня. 76. Окт. 20.

Что ты такъ долго не писалъ къ намъ, — да, и вообще, вѣрно, все это время ничего не писалъ, — это въ моихъ глазахъ прискорбный признакъ отсутствія въ тебѣ продуктивности. Какъ молодому человѣку, имѣющему хотя бы и въ небольшой степени эту способность, можно бы было удержаться, испытывая на себѣ цѣлую массу новыхъ впечатлѣній, и не взять въ руки пера, карандаша или кисти. Этого я не понимаю. Правда, продуктивность мы приносимъ на свѣтъ съ собою, не всѣмъ удается ее развить въ себѣ, ее легко и заглушить лѣнью, распущенностію и толченіемъ воды — та же своего рода способность къ этому толченію присуща большинству человѣчества, — у тебя же, на сколько я тебя знаю, я объясняю печальное отсутствіе признаковъ продуктивности именно этими тремя условіями и боюсь, что онѣ съ лѣтами, если ты не обратишь на себя вниманіе, — все болѣе и болѣе тебя будутъ одолѣвать, а на избираемомъ тобою научномъ поприщѣ это дѣло плохое.

При твоемъ образованіи и твоемъ любознаніи (которое, слава Богу, еще ни лѣнь, ни упражненія въ толченіи воды не успѣли подавить), если бы ты хоть немножко осилилъ себя отчетливостію предъ самимъ собою, продуктивность не замедлила бы ясно обнаружиться, — потому и есть въ значительной степени продуктъ отчетливаго любознанія, требующій напряженія вниманія, воображенія и соображенія. Теперь, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что ты, наконецъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ, пустишь въ ходъ всѣ заржавѣлыя пружины твоей продуктивности и обнаружишь ея присутствіе свѣту во второй разъ въ теченіе 4—5 лѣтъ. Одинъ или 2 урожая въ 5 лѣтъ—это все-таки не такъ худо, если только они дѣйствительно урожаи, а не такіе, какъ тебѣ казались наши Вишнянскій и Качанскій; въ обѣихъ имѣніяхъ врядъ ли многимъ болѣе получимъ 1500 четвертей пшеницы, которые я уже въ день моего прощанія съ тобою въ Одессѣ тамъ и продалъ

(и Вишнянскую и Качанскую) по 8 руб. за четверть (на мѣстѣ, конечно, въ имѣніяхъ) купцу Тульчинскому и уже деньги за 1000 четв. получилъ впередъ.

Пшеница вся уже смолочена паров. машиною въ 3 недѣли (осталось еще не много въ Ивсѣ домолачивать конною). Бураки дали почти до берковца съ морга.

Не забудь же тотчасъ же по пріѣздѣ сходить къ фрейлинѣ Раденъ[1]) и вручить ей собственноручно бумаги. — Извѣсти непремѣнно, когда пустишь, хоть сколько-нибудь подмасливъ, въ ходъ твою диссертацію и какимъ образомъ, quibus auxiliis, quomodo, quando?

Пожалуйста, одолѣвай свою лѣность, приводи почаще въ дѣйствіе усыпленную ею производительность и извѣщай почаще любящихъ тебя сердечно [2]).

---

1) Фрейлина вел. княгини Елены Павловны, баронесса Эдита Θеодоровна Раденъ. При ея посредствѣ великая княгиня, а черезъ нее уже вел. князь Константинъ Николаевичъ и самъ императоръ Александръ II знакомились съ виднѣйшими общественными дѣятелями эпохи великихъ реформъ. Бар. Раденъ была въ перепискѣ, лично или по уполномочію вел. княгини Елены Павловны, съ Ив. Аксаковымъ, Ник. Милютинымъ, Н. Пироговымъ, Юр. и Дм. Самариными и др. Три письма Н. И. Пирогова къ ней (религіозно-философскаго и общественно-историческаго содержанія) перепечатаны въ собраніи сочиненій Пирогова (т. I, 1914, статьи педагогическія и публицистическія), одно напечатано А. Θ. Кони въ его статьѣ «Пироговъ и школа жизни» (сб. «На жизненномъ пути», т. II, Спб. 1912). Бумаги, о которыхъ говорится въ письмѣ къ В. Н. Пирогову, — матеріалы и документы, а также личныя воспоминанія Н. И. о дѣятельности вел. княгини Елены Павловны (ск. въ январѣ 1873 г.) по учрежденію Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. См. письмо къ бар. Э. Θ. Раденъ отъ 27 февраля 1876 г. (Сочиненія, т. I, 1914). Въ этомъ письмѣ Н. И. также говоритъ, что сынъ его доставитъ баронессѣ бумаги и т. д.

2) Письмо это не подписано. Н. И. не подписывалъ писемъ въ большинствѣ случаевъ, особенно письма къ женѣ.

13.

Вишня. Марта 24. 77.

Такъ какъ ты живо почуствовалъ, по словамъ твоего письма (этимъ оно начинается), невѣрность теоріи невмѣшательства и предоставленія каждаго самому себѣ, то я, пользуясь этимъ настроеніемъ твоего духа, и предоставляю себѣ прямое и непосредственное вмѣшательство въ твои неожиданныя для меня рѣшенія.

Начинаю съ обращенія къ твоему благоразумію. Кто бы чѣмъ, какъ бы чѣмъ ни занимался, никогда не можетъ отдѣлаться отъ двухъ отношеній къ своимъ занятіямъ: внутреннихъ и внѣшнихъ; такъ какъ и всѣ человѣческія занятія имѣютъ двѣ стороны: внутреннюю, по отношенію ихъ къ занимающемуся, и внѣшнюю, по отношенію къ окружающему его обществу. Ты, какъ и всѣ, ты слѣдовалъ до сихъ поръ по этому, неизбѣжному, пути, да и не могъ не слѣдовать. Спроси же самого себя, для чего ты мучился и разстраивалъ твои нервы приготовленіемъ къ берлинскому экзамену, для чего прожилъ чуть не 2 года въ Москвѣ для экзамена на магистра, для чего работалъ надъ диссертаціею, занимаясь предметомъ, тебя, какъ видно, мало интересовавшимъ или несвойственнымъ твоей склонности къ научнымъ обобщеніямъ?

Ты говоришь, что ты налагалъ на себя, самимъ тобою скованныя, цѣпи. Прекрасно, тысячу разъ прекрасно; вѣдь знаешь-ли, сколько высокаго и прекраснаго лежитъ въ такомъ дѣйствіи, когда человѣкъ, замѣтивъ въ себѣ, какъ ты объясняешь, склонность увлекаться далеко при рѣшеніи вопроса науки, рѣшается ограничить себя сухимъ и трезвымъ изслѣдованіемъ, упражнять свою способность въ этомъ изслѣдованіи и избираетъ, чтобы фиксировать свою мысль, сухой и непривлекательный вопросъ,— словомъ, налагаетъ на себя умственныя цѣпи. И ты, мой сынъ, сдѣлавъ это похвальное дѣло, преодолѣвъ себя, употребивъ и, безъ сомнѣнія, съ большею пользою для себя (которую ты теперь еще не можешь вполнѣ оцѣнить, а оцѣнишь въ будущемъ) столько

времени для *преодолѣнія* внѣшнихъ отношеній (для всѣхъ мыслящихъ людей болѣе или менѣе тягостныхъ) въ твоихъ занятіяхъ, доведши все это до кульминаціоннаго пункта, — вдругъ бросаешь почти оконченный трудъ по такой только причинѣ, что ты «не предвидишь у насъ другихъ отношеній къ твоимъ изслѣдованіямъ, какъ чисто формальныхъ» (изъ твоего письма).

Разсуди хладнокровно, развѣ это благоразумно, развѣ этотъ поступокъ соотвѣтствуетъ серьозному научному направленію, которому ты обрекъ себя? Возьми въ судьи въ этомъ вопросѣ не меня одного, спроси совѣта у всякаго занимающагося серьозно наукою, и вѣрно каждый скажетъ тебѣ, что ты выбралъ самое невыгодное время (кульминаціонный пунктъ твоихъ формальныхъ или внѣшнихъ отношеній къ твоимъ занятіямъ) для снятія съ себя произвольно и съ похвальнымъ самоотверженіемъ наложенныхъ цѣпей. Рѣшительность хороша только тогда, когда она основана на истинной необходимости, и я ничего не имѣлъ бы противъ твоего намѣренія сбросить эти цѣпи, если бы оно мотивировалось какимъ либо случаемъ, вліяющимъ на будущее житейское поприще и внезапно представившимся, если бы, напримѣръ, открылось для тебя какое либо мѣсто, обѣщающее въ будущемъ прочную и выгодную основу, или измѣнившимися обстоятельствами жизни и т. п.

Но ничего этого нѣтъ. Твой мотивъ основанъ, въ сущности, *или* на одномъ суетномъ самолюбіи, *или* на усталости (слѣдовательно, слабости) носить наложенныя на себя цѣпи *). Самолюбіе нашептываетъ тебѣ: «брось работу, которая не заслужитъ рукоплесканій окружающей тебя среды». Напряженность силъ, необходимая для перенесенія наложенныхъ на себя оковъ, слабѣетъ предъ возгласами тщеславія и приводитъ тебя къ опрометчивому рѣшенію бросить на концѣ пройденнаго съ такимъ самоотверженіемъ пути то, чѣмъ впослѣдствіи ты могъ бы справедливо гордиться. Не только твой лучшій другъ, — отецъ, — но и каждый

*) Можетъ быть, и еще что-нибудь, для меня таинственное.

честный и посвятившій себя наукѣ человѣкъ вѣрно охнетъ не разъ, узнавъ о такомъ вредномъ для тебя и замѣчательномъ по своей непослѣдовательности рѣшеніи. Да, именно, замѣчательно непослѣдовательномъ, если подумаешь, сколько труда и самообладанія было потрачено на выдержку молодыхъ силъ, и выдержка передъ самымъ концомъ вдругъ лопнула.

Вѣдь это «нравственное» банкротство, которое подтверждаетъ только, что мы живемъ въ вѣкѣ нравственной и матеріальной несостоятельности, и ты, увлекаемый духомъ времени, безпечно хочешь потерять кредитъ, которымъ пользовался до сихъ поръ у тѣхъ, которые такъ крѣпко вѣрили въ тебя и крѣпко надѣялись на твою выдержку. Грустно становится смотрѣть на эти колебанія, на эту утрату такъ прекрасно начатаго самообладанія. Хочешь ли ты, нѣтъ ли, выдти на университетское (профессорское) поприще, — это все равно для меня; но окончить прекрасно начатое ты долженъ, ничто, ни ложное самолюбіе, ни усталость не должны останавливать тебя, если ты не врагъ себѣ и если хочешь доказать отцу, что ты искренно его любишь и уважаешь, и это тѣмъ легче для тебя сдѣлать, что любовь и уваженіе къ отцу совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ уваженіемъ собственнаго достоинства и съ пользою для будущаго твоего поприща, которое ты долженъ же, наконецъ, будешь избрать.

Вѣдь, не захочешь же ты быть внесеннымъ въ кандидаты Общества нуждающихся въ пособіи литераторовъ [1]) и заниматься литературными трудами, не обезпечивъ себя ничѣмъ при явной возможности это сдѣлать. Вѣдь, «нѣкій» кошемаръ, зависѣвшій отъ Selbstgeschmiedetens Fesseln и душившій тебя 2 года, еще не задушилъ тебя. Вѣдь, подобнаго рода кошемары душили тебя и въ Берлинѣ, и въ Москвѣ, почему-же петербургскій кошемаръ, передъ самымъ концемъ, сталъ такъ невыносимъ, что заставляетъ тебя броситься въ неизвѣстное туманное будущее, очертя голову и не покончивъ, наконецъ, хотя и съ скучными, но тѣмъ не менѣе необходимыми формальными отношеніями къ твоимъ занятіямъ.

Съ магистерскимъ дипломомъ ты могъ бы на просторѣ заняться выборомъ поприща, наиболѣе для тебя доступнаго, привлекательнаго и удобнаго для твоей научной дѣятельности. Да, наконецъ, и твое самолюбіе могло бы быть легко удовлетворено твоею диссертаціею, вѣдь, ты пишешь, что «не сомнѣваешься, что подготовленныя тобою изслѣдованія нашли бы мѣсто въ нѣмецкой литературѣ», — почему же тогда ты не ѣдешь подать и защищать диссертацію въ Дерптъ. Вотъ тебѣ средство. Я увѣренъ, что тамъ тебя примутъ хорошо, по памяти обо мнѣ.

И вотъ послѣ обращенія къ твоему благоразумію, объяснивъ тебѣ, что ты долженъ выбрать себѣ въ Россіи извѣстное поприще и для этого удовлетворить, по необходимости, всѣмъ формальнымъ требованіямъ, уже на $^3/_4$ тобою почти исполненнымъ, я обращусь и къ другимъ добрымъ свойствамъ твоей души, которыхъ у тебя не мало, сколько я знаю. Не говоря уже о томъ, что не сдержать слова, — скажу обѣщанія, — даннаго родителямъ, не совсѣмъ благовидно, особливо при первомъ же шагѣ въ жизни, и должно, что ни говори, все-таки быть для тебя не лучше кошемара; — я полагаю, что и чувство привязанности, любви и уваженія къ твоимъ родителямъ не могло не сдѣлать тебѣ упрека. Вѣдь, ты не могъ не знать, что твое легкомысленное рѣшеніе, уничтожающее всѣ хорошія слѣдствія твоей, произвольно на себя наложенной, выдержки, — подѣйствуютъ на нихъ весьма непріятно.

Какъ же ты могъ рѣшиться, не посовѣтовавшись, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, который (полагаю безъ излишней гордости), кажется, могъ бы тебѣ служить примѣромъ въ жизни; ты узналъ бы тогда, что и онъ нѣкогда былъ въ подобномъ настроеніи, не хотѣлъ оканчивать экзамены, считалъ (*слово не разобрано*) пустою формальностью [2]); а теперь благодаритъ искренно тѣхъ серьозныхъ, опытныхъ и почтенныхъ наставниковъ (отца у него, къ несчастію его, тогда не было, а еслибы и жилъ, то не помогъ бы [3]) въ этомъ отношеніи), которые удержали его отъ опрометчиваго шага. Ты скажешь, что твой отецъ былъ тогда необезпеченъ и дѣлалъ это изъ нужды.

Нѣтъ, любезный, отецъ твой и въ нуждѣ нужды не зналъ и она одна его не удержала бы тогда[1]). А твоя обезпеченность, на которую ты надѣясь, сбрасываешь и цѣпи, и кошемаръ, — полагаешься ты на нее? Да развѣ человѣкъ можетъ на что нибудь полагаться и развѣ не благоразумнѣе дѣйствовать и обезпеченному, при началѣ своего поприща, такъ, какъ бы онъ былъ не обезпеченъ? Я сдѣлалъ уже разъ ошибку, допустивъ твоего брата скоро слишкомъ оставить научное поприще; но я полагалъ, что для него, при его наклонности къ чувственнымъ наслажденіямъ и матеріальнымъ благамъ, полезнѣе бы было заняться вблизи насъ хозяйствомъ. Я ошибся.

Но во второй разъ, съ тобою, пока ты находишься въ зависимости отъ меня, я никогда не соглашусь повторить ошибку. Пойми, что, если ты желаешь пользоваться правами обезпеченія отъ отца, то долженъ на себя принять и обязанности, соединенныя съ пользованіемъ этими правами. Я не отвергаю моихъ обязанностей къ тебѣ, но никогда не отступлюсь и отъ моихъ правъ. Ты самъ, положивъ руку на сердце и призвавъ всѣ прекрасныя качества твоей доброй и увлекающейся души, вѣрно, также не отвергнешь этихъ правъ, хотя въ одномъ письмѣ и желаешь, чтобы родители относились къ тебѣ философски, какъ ты самъ къ себѣ.

Итакъ, пока ты не найдешь себѣ поприща и пока по необходимости ставишь себя въ *зависимое положеніе*, то я полагаю, что *оно* должно дѣйствовать на развитаго человѣка гораздо стѣснительнѣе, чѣмъ имъ самимъ наложенные на себя нравственные оковы въ научныхъ занятіяхъ, и отъ этого кошемара освободиться для него необходимѣе, чѣмъ отъ формальнаго магистерскаго; а именно этотъ формально-магистерскій кошмаръ и необходимо перенести для выхода въ независимое положеніе, обезпечивающее тотчасъ же и входъ въ разныя поприща жизни.

Результатъ всего сказаннаго тотъ, что:

1) Я не принимаю *ни подъ какимъ видомъ* твоего рѣшенія и твердо уповаю, что мой увлекающійся, но добрый и послушный

сынъ, не захочетъ поступить такъ, чтобы огорчить отца. Я полагаю, что онъ лучше рѣшится выдержать до конца стѣсненіе стараго кошемара (многолѣтнихъ цѣпей, къ которымъ онъ уже привыкъ), чѣмъ нажить себѣ новый, въ сознаніи, что онъ дѣйствуетъ вопреки совѣтамъ и желанію своего отца.

2) Для удовлетворенія своего самолюбія (весьма законнаго и натуральнаго) диссертацію можно защищать на нѣмецкомъ языкѣ въ Дерптѣ, для чего будутъ доставлены и всѣ возможныя средства. Если этотъ совѣтъ будетъ принятъ, то я буду очень радъ, что сынъ закончитъ свое научное образованіе тамъ, гдѣ его отецъ началъ свое научное поприще не безъ пользы для общества.

Твой отецъ.

Дѣло пока остается между нами и только, смотря по послѣдствіямъ, я отнесусь къ другимъ, компетентнымъ, лицамъ. А лучше бы было для насъ обоихъ, если бы оно такъ и осталось между нами. Послѣдствія также и дадутъ отвѣтъ за тебя.

---

1) Выраженіе это — откликъ извѣстной полемики по поводу опубликованныхъ Н. И. Пироговымъ въ 1859 году «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій» (Сочиненія, т. I, 1914), начатой извѣстными статьями Н. А. Добролюбова и продолжавшейся нѣсколько лѣтъ во всѣхъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. Хотя Добролюбовъ во всѣхъ своихъ статьяхъ о Пироговѣ воздавалъ должное его педагогическимъ заслугамъ и хотя рѣзкость тона статей (и стихотворенія) знаменитаго критика была направлена не противъ личности попечителя, а противъ явленія, которое Добролюбовъ считалъ опаснымъ для правильнаго развитія русской гражданственности,—но воспоминаніе объ этой исторіи всегда вызывало у Пирогова чувство досады. А такъ какъ вся исторія возникла въ связи со статьями Добролюбова, печатавшимися въ «Современникѣ», съ редакціей котораго тѣсно связано воспоминаніе объ учрежденіи «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» («Литературный Фондъ»), — то у Пирогова это досадливое чувство вызывало ироническія заявленія по адресу названнаго общества. Такъ, напр., въ автобіографическомъ письмѣ къ I. В. Бертенсону, отъ 27 сентября 1880 г., читаемъ: «Регламентъ наказаній, осмѣянный нуждающимися въ вспомоществованіи литераторами...» (Сочиненія, т. I, 1914). Когда Н. И. приходилось касаться вопроса о несерьезномъ отношеніи журналистики къ критикѣ, онъ писалъ о «Современникѣ»: «Форма найдется, и самъ

«Современникъ» не будетъ надъ нею издѣваться» (Письмо изъ Гейдельберга отъ 12 января 1864 г., Сочиненія, т. I, 1914).

2) Въ 1831 году, заканчивая въ Дерптѣ, на 21 году отъ рожденія, экзамены на степень доктора медицины, Н. И. Пироговъ, вслѣдствіе увлеченія исключительно анатоміей и хирургіей, хотѣлъ было оставить тяготившія его занятія другими предметами медицинскаго факультета и подумывалъ даже о прекращеніи докторскихъ экзаменовъ. Проф. И. Ф. Мойеръ разъяснилъ Пирогову неблагоразуміе этихъ проектовъ и убѣдилъ его закончить экзамены. Н. И. Пироговъ съ благодарностью вспоминалъ въ «Дневникѣ стараго врача» своего дерптскаго учителя.

3) Отецъ Н. И. Пирогова, Иванъ Ивановичъ, родился приблизительно въ 1772 г. Каково было его образованіе, неизвѣстно. Судя по «Дневнику» его знаменитаго сына, И. И. Пироговъ достигъ своего положенія собственными усиліями. Врядъ-ли онъ получилъ систематическое образованіе; степень его общаго развитія не велика, но онъ обладалъ хорошими душевными качествами; любилъ читать, преимущественно легкіе историческіе романы; былъ очень набожень, причемъ его религіозное міровоззрѣніе не выходило изъ круга внѣшняго московскаго благочестія; имѣлъ хорошій художественный вкусъ и устроилъ свой домъ съ разными архитектурными и живописными украшеніями; состоялъ казначеемъ московскаго провіантскаго депо, а послѣ отставки занимался веденіемъ чужихъ дѣлъ въ видѣ управленія домами и имѣніями. Его отецъ, дѣдъ Н. И. Пирогова, Иванъ Михеичъ, по внѣшности былъ типичнымъ крестьяниномъ съ тяготѣніемъ и способностями въ области промышленности. Едва-ли не при Елизаветѣ Петровнѣ служилъ въ войскахъ, а затѣмъ устроилъ въ Москвѣ какую-то усовершенствованную пивоварню.

4) См. примѣчанія: 9-е къ письму № 2 и 3-е къ письму № 1.

14.

Вишня. 77. Марта 27.

Вотъ еще соображеніе, о которомъ мнѣ вчера, въ письмѣ къ тебѣ, не пришло въ голову написать тебѣ. Такъ какъ ты не хочешь, по какимъ то, мнѣ неизвѣстнымъ, причинамъ, конкурировать на занятіе университ. кафедры, то я могъ бы тебѣ доставить довольно выгодное мѣсто при дипломатическомъ корпусѣ. О подробностяхъ я не буду теперь распространяться, потому что не привыкъ вѣроятное объявлять за истинное и непреложное. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду и одну вѣроятность или одну воз-

можность, я считаю своею обязанностію отца, заботящагося о будущемъ своего сына, обратить твое вниманіе на это обстоятельство.

Представь себѣ возможность на первый же разъ при вступленіи на общественное поприще имѣть обезпеченное и самостоятельное положеніе, которое съ субсидіей, назначенной отъ меня, позволитъ тебѣ имѣть не только всѣ средства къ удобной жизни, но и располагать достаточно временемъ для своихъ научныхъ занятій; представь себѣ, что тебѣ открывается возможность вступить въ общество почетнымъ образомъ и пользоваться положеніемъ, открывающимъ просторный путь въ будущемъ, и все это поставь въ зависимость отъ преодолѣнія и выдержки непріятностей, соединенныхъ съ временнымъ *«кошемаромъ и ношеніемъ оковъ»*; присоедини къ этому еще и то соображеніе, что этотъ кошемаръ и эти оковы, во многихъ отношеніяхъ, не столько дѣйствительные, сколько воображаемые, ибо они не лишили тебя, какъ настоящій (патологическій) кошемаръ и настоящія цѣпи, ни сна, ни хорошаго аппетита, ни склонности къ разсѣянію; — и рѣши, благоразумно ли съ твоей стороны твое проходимское рѣшеніе, Abentheuerliches Entschluss, бросить, не окончивъ, исполненіе формальныхъ общественныхъ условій къ достиженію не только возможной, но и вѣроятной до извѣстной степени цѣли, на которую я указываю и которая будетъ завидною и для толпы, равнодушно отнесущейся къ твоей диссертаціи.

Неужели же усиленная фантазіей непріятность твоего кошемара оковъ и равнодушія отечественной публики къ твоимъ научнымъ изслѣдованіямъ можетъ быть сильнѣе и вліятельнѣе того будущаго, которое тебѣ, по всей вѣроятности, откроется послѣ полученія магистерскаго диплома, къ достиженію котораго необходимы только окончательная отдѣлка диссертаціи и исполненіе соединенныхъ съ этимъ формальныхъ условій. Вѣдь, это было бы болѣе чѣмъ *глупо*, — позволь мнѣ такъ выразиться не въ упрекъ тебѣ, какъ человѣку, смотрящему трезвымъ взглядомъ опыта на практическую жизнь. Выборъ, кажется, для всѣхъ, мало мальски

понимающихъ эту жизнь, не труденъ: съ одной стороны преодолѣть разыгравшуюся фантазію, преувеличивающую и даже вновь изобрѣтающую какія то нравственныя якобы мученія (не обнаруживающіяся, впрочемъ, на организмѣ), какъ-то кошемары, оковы, равнодушіе толпы къ заслугамъ и т. п., а съ другой— покончить однажды на всегда съ формальными, — и не забудь, справедливыми, — требованіями общественнаго устава, доведенными уже почти многолѣтнимъ трудомъ до окончанія, и этимъ пріобрѣсти возможность и даже вѣроятность пріобрѣтенія почетнаго положенія въ обществѣ и съ этимъ вмѣстѣ средствъ и времени къ удовлетворенію склонностей къ избранному предмету.

Мнѣ сказанное выше предположеніе пришло въ голову еще въ бытность мою въ Кишиневѣ[1]), при знакомствѣ съ нѣкоторыми состоящими тамъ при дипломатическомъ корпусѣ Главн. Квартиры личностями; но я тогда не обратилъ на нее вниманіе, незнавъ еще, что ты оставилъ прежнее намѣреніе искать университетской кафедры; теперь же, и именно сегодня, я опять вспомнилъ и потому поспѣшаю подѣлиться съ тобою. Я зналъ нѣсколькихъ магистрантовъ, т. е. выдержавшихъ на эту степень экзаменъ, но отложившихъ защищеніе диссертаціи только потому, что при открывшейся ваканціи на каѳедру имъ не хотѣлось упустить случая, они приняли ее въ видѣ исправляющихъ должность и защитили диссертацію въ послѣдствіи; но я ни одного не зналъ, который бы былъ такъ сумасброденъ, что, безъ всякой причины не покончивъ съ исполненіемъ всѣхъ формальныхъ требованій, послѣ выдержанія экзамена, вздумалъ бы, съ позволенія сказать, болтаться изъ угла въ уголъ; всякій изъ нихъ, вѣрно, понималъ, что, отложи онъ, безъ всякой понудительной или экстренной внѣшней причины, защищеніе своей диссертаціи вскорѣ послѣ окончаніи экзамена, то тогда и простись съ дипломомъ, можетъ быть, и на вѣки.

Разсуди-же, ради Христа, не будь упоренъ и не доводи меня до ультиматума, котораго всѣ искуссные дипломаты боятся и избѣгаютъ, какъ черта, не смотря на то, что послѣ него не имъ

самимъ приходится воевать, да и воевать не съ роднымъ отцемъ.

Твой.

---

1) Во время русско-турецкой войны Н. И. Пироговъ объѣхалъ Бессарабію и Балканскій полуостровъ для ознакомленія съ постановкою военноврачебнаго дѣла. Отчетъ объ этомъ — въ его классической книгѣ: «Военноврачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг.». Спб. 1879, томъ I и II.

15.

Вишня, 77, Іюня 18.

Неужели ты ѣдишь прямо изъ Петербурга въ Варшаву? Надѣюсь, что ты еще о томъ напишишь подробно [1]).

Я, все-таки, не вижу изъ чего ты заключаешь съ *полною увѣренностію* о существованіи твоего Доцентства въ Варшавѣ. Гдѣ оффиціальныя данныя и какія онѣ? Опять не обманись и не разочаруйся. Хотя бы ты похлопоталъ о какомъ-нибудь документѣ отъ Моск. Унив., въ родѣ свидѣтельства о выдержанномъ уже тобою магистерскомъ экзаменѣ. Хотя бы списался съ Ректоромъ Варшавскаго Университета, чтобы имѣть въ рукахъ, *прежде твоего отъѣзда* въ Варшаву, твое опредѣленіе Доцентомъ. Сообщаемые-же тобою слухи или разсказы о томъ, что Благовѣщенскій на счетъ твоего опредѣленія встрѣтилъ затрудненія или возраженія со стороны Витте [2]), доказываютъ скорѣе непрочность твоего опредѣленія въ Варшавѣ, и, поэтому, мнѣ неясно, откуда у тебя увѣренность, когда ты не имѣешь въ рукахъ никакого оффиціальнаго документа.

Вмѣсто письма отъ меня къ Витте, которое послѣ переданнаго тобою слуха было бы безтактно, я бы совѣтовалъ тебѣ справиться въ министерствѣ. Неужели, проживъ столько времени,

и, какъ я полагаю, безъ особенной для тебя пользы, въ Петербургѣ, ты не нашелъ необходимаго входа и не открылъ никакой связи съ Министерствомъ, въ которомъ намѣреваешься служить [3]), — въ нашемъ русскомъ значеніи этого слова; это также одна изъ сотни твоихъ непредусмотрительностей. Если я соображу всѣ твои дѣйствія въ теченіе послѣднихъ 2 лѣтъ, то покуда вижу предъ собою только слѣдующее: магистерскую диссертацію — повѣшенною на гвоздь, научную дѣятельность, — ничѣмъ необнаруженною, колебаніе въ выборѣ поприща, будущія занятія еще весьма шаткими и общепринятое направленіе къ достиженію однажды опредѣленной цѣли (опредѣленнаго положенія въ обществѣ) безъ нужды нарушеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее спокойствіе духа самовольно и насильно потрясеннымъ.

Неужели, бросивъ этотъ взглядъ на прошедшее, окажется, что еще не пришло время серьознаго рѣшенія и отрезвленія? Неужели, по твоимъ соображеніямъ, достигнутые тобою въ это время колебаній и проволочекъ результаты твоего внутренняго развитія (мнѣ, конечно, неизвѣстные и только тобою однимъ называемые) такъ велики, что достаточно выкупаются тѣмъ, что ты не достигъ, а могъ бы и долженъ бы былъ достичь съ внѣшней стороны? Дай Богъ, чтобы при безпристрастномъ сужденіи, — судьею, конечно, тутъ можешь быть только ты самъ, — добытые результаты твоего внутренняго развитія, и именно со стороны твоего ума и чувства, оказались достаточными для вознагражденія потери времени и растраты умственныхъ силъ. Но для меня, не имѣющаго возможности проникнуть внутрь твоего я, потери съ внѣшней стороны слишкомъ очевидны и слишкомъ неутѣшительны, а здравый смыслъ убѣждаетъ меня, что человѣкъ, не умѣющій уравновѣшивать свой внутренній бытъ съ внѣшнимъ, не принадлежитъ къ числу здравомыслящихъ и надежныхъ людей.

Твой отецъ.

---

1) Эта фраза написана рукою А. А. Пироговой на первой страницѣ письма, сверху.

2) Ник. Мих. Благовѣщенскій, извѣстный филологъ, спеціалистъ по римской словесности и древностямъ. Въ 1872—1883 гг., былъ ректоромъ Варшавскаго Университета. Ѳ. Ѳ. Витте — попечитель Варшавскаго учебнаго округа.

3) Всей своей дѣятельностью, во всѣхъ полуоффиціальныхъ и оффиціальныхъ письмахъ, въ своихъ статьяхъ и въ «Дневникѣ» Н. И. Пироговъ подчеркивалъ свою ненависть къ занятію «служебнаго» положенія, къ «служебной» карьерѣ. Это особенно ярко выражено въ письмѣ къ попечителю медико-хирургической Академіи, въ началѣ 1848 г., когда Пироговъ, вслѣдствіе недостаточной твердости надлежащаго вѣдомства въ отстаиваніи достоинства академіи отъ выходокъ Ѳ. В. Булгарина, хотѣлъ оставить профессуру. — «Въ службѣ моей, — писалъ онъ ген. Н. Н. Анненкову,—я никогда не искалъ личныхъ выгодъ и потому я оставлю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить». См. также письма къ непремѣнному секретарю Императорской Академіи Наукъ П. Н. Фусу (по тому-же поводу) и къ д-ру Н. Ф. Арндту — отъ 4 февраля 1854 г. (Всѣ — въ сочиненіяхъ, т. I, 1914).

16.

9 Января, 1878.

Сегодня ровно полгода, какъ ты обѣщался кончить диссертацію въ 3 мѣсяца. Хотя ты и пишешь, что, наконецъ — не въ обѣщанный срокъ, а чрезъ 6 мѣсяцевъ, — ее кончилъ, — но, по моему, это не настоящее окончаніе. Окончить диссертацію, по моему, значитъ ее напечатать, т. е. сдѣлать дѣло такимъ, чтобы его уже нельзя было болѣе измѣнять; теперь же я еще неувѣренъ, чтобы въ одно прекрасное утро, — при непостоянствѣ и неопредѣленности твоихъ тенденцій, — тебѣ не вздумалось бы запереть въ долгій ящикъ то, что ты въ эту минуту считаешь поконченнымъ.

Какъ бы то ни было, я желалъ бы знать, какъ представляется теперь диссертація въ факультетъ, — печатанною или въ рукописи, если печатанною, то, я полагаю, можно бы тотчасъ же послѣ переписки на бѣло первыхъ листовъ отдать ее въ пе-

чать, не слѣдуя Гораціеву nonum prematur in annum [1]); такъ пошло бы скорѣе; печатаютъ въ С.-Петербургѣ не скоро, особливо научное сочиненіе, требующее многихъ корректуръ.

Что касается до стипендіи К...., о которой пишешь, то, какъ извѣстно, стипендіи учреждаются при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то юбилеѣ, выходѣ въ отставку, смерти и т. п., и учредители обращаются къ Правительству за разрѣшеніемъ учрежденія стипендіи; не знаю, при какой обстановкѣ и по какому случаю хотятъ учредить стипендію К...ва, но ничто не препятствуетъ желающимъ обратиться по начальству, и зачѣмъ тутъ понадобился именно я, нигдѣ не служащій и не имѣющій потому никакого вліянія на ходъ дѣла, — не понимаю. Мнѣ, какъ и другимъ частнымъ лицамъ, предоставлено только право, по желанію, впослѣдствіи, при учрежденіи стипендіи, просто, какъ и всѣмъ другимъ, принять участіе. О моемъ походѣ въ Булгарію сообщитъ тебѣ въ подробности Серг. Серг. Шкляревскій [2]).

Твой.

---

1) Не печатать ранѣе 9-го года, дать работѣ вылежаться.

2) Серг. Серг. Шкляревскій, кіевскій хирургъ. Сопровождалъ Пирогова въ его поѣздкахъ на театръ русско-турецкой войны и къ Т. Бильроту, въ маѣ 1881 г., для совѣта съ знаменитымъ вѣнскимъ хирургомъ по поводу предсмертной болѣзни Н. И. Напечаталъ рядъ статей о Пироговѣ, въ томъ числѣ обстоятельную исторію его болѣзни.

17.

Вишня, 78, Ноября 1.

Не можешь, любезный Воля, передать мнѣ, какъ человѣку, интересующемуся разнаго рода странностями и уродствами, — это свойство лежитъ въ моей профессіи, — почему какой-то господинъ Ивановъ [1]) сначала соглашается, а потомъ отказывается

быть твоимъ оппонентомъ? Неужели-же эта странность твоего нареченнаго противника на диспутѣ показалась такъ безразличною, что ты нисколько не занялся разслѣдованіемъ ея причинъ? Я думаю, что ты умалчиваешь въ твоемъ письмѣ о причинѣ только потому, что считаешь этотъ предметъ для насъ не интереснымъ,—и вотъ, я, чтобы доказать тебѣ противное, пишу къ тебѣ о разъясненіи непонятнаго.

Если такъ всѣ назначаемые факультетомъ оппоненты въ университетахъ будутъ отказываться отъ исполненія своего рода обязанностей и будутъ заставлять экзаменующихся ждать по цѣлымъ мѣсяцамъ, пока найдется какой-нибудь благодѣтель для него, рѣшающійся съ нимъ поболтать часъ, другой на диспутѣ;—то придется жутко всѣмъ чающимъ движенія воды, въ томъ числѣ и тебѣ. Я, по этой причинѣ, и не удивляюсь твоему теперешнему настроенію противъ университетской карьеры. Но если ты въ этомъ случаѣ и хочешь слѣдовать мудрому правилу не увлекаться, то, съ другой стороны, не забывай, что увлеченія могутъ увлекающагося направлять и впередъ и назадъ.

Твой отецъ.

---

1) Г. А. Ивановъ — профессоръ классической филологіи въ Москвѣ. «Возможно, что Ивановъ, какъ человѣкъ робкій, отказался оппонировать В. Н. Пирогову на диспутѣ» (Сообщеніе В. И. Герье). Вскорѣ В. Н. Пироговъ защитилъ въ Москвѣ магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ «Изслѣдованія по римской исторіи преимущественно въ области третьей декады Ливія» (Спб. 1878, стр. 284 + II, ц. 1 р.). Оффиціальнымъ оппонентомъ на диспутѣ былъ проф. В. И. Герье, который въ письмѣ ко мнѣ сообщаетъ, что диспутъ «прошелъ очень мирно» и что отзывъ о допущеніи диссертаціи В. Н. Пирогова къ защитѣ былъ подписанъ имъ единолично, такъ какъ В. И. Герье тогда былъ единственнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Москвѣ.

18.

Вишня, 79, Января 24.

Нуте-ка, ребятушки,
Побойтеся Бога,
Постарайтеся, а
Зеленая *) *сама пойдетъ.*

По ассоціаціи идей этотъ припѣвъ приходитъ мнѣ подъ перо въ то самое время, какъ начинаю къ тебѣ поздравительное письмо. Поздравляю; — шагъ впередъ, — хотя и запоздалый, — онъ могъ бы быть сдѣланъ года 2—3 тому назадъ, но лучше поздно, чѣмъ никогда; шагъ на пути, ведущемъ къ опредѣленной цѣли, — какъ я думаю, соотвѣтствующей твоимъ склонностямъ. «А зеленая сама пойдетъ», какъ то припѣваютъ (на распѣвъ) у насъ, на прудѣ, Яковъ съ рабочими, вбивая каперомъ сваи противъ ледохода; — только Бога побойтесь, да постарайтесь, ребятушки!

Мой совѣтъ: какъ можно скорѣе, лучше тотчасъ-же, не откладывая въ дальній ящикъ, — что для тебя все равно, что въ воду бросить, — примись писать на степень Доктора [1]); — толкай и отворится. И это занятіе совершенно совмѣстимо съ добросовѣстнымъ приготовленіемъ къ лекціямъ; — говорю по опыту. А выгоды отъ такого совмѣстнаго занятія (приготовленія лекцій и сочиненія) громадныя, и въ научномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, — и именно для тебя. Вотъ, хоть бы избранный тобою предметъ «о римской магистратурѣ», — развѣ не годился бы для докторской диссертаціи?

У насъ, на русскомъ, едва ли существуетъ дѣльная и своевременно научная книга о римской магистратурѣ. А тебѣ нужно же имѣть въ виду, какъ русскому ученому, — и русскую научную литературу. Сегодня посылаемъ книги, можешь достать и еще другихъ, когда понадобятся, мы на книги не скупы. Начинай,

---

*) т. е., свая.

послушайся моего дружескаго совѣта, и послѣ поблагодаришь самъ меня за него.

Главное, не тяни канитель. Совѣтую для твоихъ слушателей[2], заняться нѣсколько *дикціею* и читать безъ скачекъ съ препятствіями, взошедшихъ у тебя въ привычку, которая слушателямъ будетъ не по нутру. Прочти (предъ лекціею, вслухъ, у себя дома) разъ у себя написанное съ чуствомъ, съ толкомъ и съ разстановкою. Это очень помогаетъ дикціи.

Твой отецъ.

Пожалуйста, напиши послѣ 2 лекцій, твои наблюденія надъ самимъ собою и твоими слушателями. Я, какъ человѣкъ, на своемъ вѣку довольно провозившійся съ разнаго рода лекціями, — и читавшій ихъ 25 лѣтъ, и слушавшій ихъ лѣтъ 40, — буду въ состояніи судить о твоихъ преподавательскихъ достоинствахъ. а это и для меня, и для тебя будетъ интересно. Напиши только подробнѣе.

---

1) Диссертаціи на степень доктора В. Н. Пироговъ не защищалъ, хотя работы въ избранномъ направленіи продолжалъ. Такъ, оставивъ уже доцентуру въ Одессѣ, В. Н. напечаталъ трудъ подъ заглавіемъ: «Семасіологическія и археологическія темы по исторіи первобытной культуры. Одесса 1887, стр. 408». Предисловіе помѣчено 29 ноября 1886, въ Цигельгаузенѣ, близъ Гейдельберга. Дѣлалъ онъ также иногда доклады въ одесскомъ обществѣ исторіи и древностей. Ср. ниже — примѣчаніе 5-е къ письму № 20 — о заграничной командировкѣ В. Н. Пирогова для окончанія докторской диссертаціи.

2) 18 января 1879 г. совѣтъ Новороссійскаго Университета, согласно представленію историко-филологическаго факультета, избралъ (единогласно) Вл. Ник. Пирогова доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Баллотировкѣ предшествовало чтеніе въ засѣданіи совѣта отзыва профессора А. С. Трачевскаго и доцента (впослѣдствіи основателя русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, нынѣ академика) Ѳ. И. Успенскаго о степени подготовки В. Н. Пирогова къ доцентурѣ. Отзывъ напечатанъ въ протоколахъ засѣданій совѣта («Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета», Одесса 1880, т. 29), и въ немъ, между прочимъ, читаемъ: «Вл. Ник. Пироговъ, авторъ историческихъ изслѣдованій, принадлежитъ къ числу весьма немногихъ русскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя строгому изученію древней исторіи. Извѣстно, какъ рѣдки въ настоящее время въ русской исторической

литературѣ имена, съ которыми бы соединялось представленіе объ оригинальныхъ изслѣдованіяхъ въ области древней исторіи; не менѣе также извѣстно, что трудно назвать русскій университетъ, въ которомъ бы эта часть исторіи была поставлена въ состояніе, способное обезпечить привлеченіе къ занятіямъ молодыхъ людей и вызвать въ скоромъ будущемъ появленіе самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области. Труды В. Н. Пирогова должны представляться у насъ одинокимъ явленіемъ, если даже принять во вниманіе довольно значительный историческій періодъ. Они объясняются исключительно благопріятными въ этомъ отношеніи обстоятельствами, въ которыхъ находился авторъ, получившій образованіе за границей и слушавшій университетскіе курсы въ Гейдельбергѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ. Начало самостоятельныхъ историческихъ изслѣдованій положено имъ въ образцовой семинаріи Моммсена. Нужно-ли говорить, что обширное дарованіе, глубокая эрудиція и талантливая способность обобщеній, съ которыми этотъ крупнѣйшій изъ современныхъ авторитетовъ въ области древней исторіи заставляетъ говорить камни и призываетъ ихъ въ качествѣ свидѣтелей къ разрѣшенію противорѣчивыхъ показаній древнихъ писателей, — что эти качества преподавателя живо заинтересовали Вл. Ник., привлекли его къ изученію древней исторіи и оказали вліяніе на его методъ и пріемы изслѣдованія?» Назвавъ берлинскую и московскую диссертаціи В. Н. Пирогова, авторы отзыва продолжаютъ: «Тотъ и этотъ трудъ преслѣдуетъ одинаковыя задачи въ нѣсколько различныхъ областяхъ и составлены по одному и тому-же методу, что, замѣтимъ кстати, дѣлаетъ честь автору, продолжающему занятія въ трудной, но весьма интересной сферѣ, примыкающей прямо къ школѣ Моммсена... Безспорно, задача, поставленная во второмъ произведеніи, встрѣчаетъ многія трудности и, несмотря на богатую литературу, весьма добросовѣстно авторомъ изученную, не вездѣ доведена до такихъ результатовъ, которые бы не оставляли мѣста для новыхъ поисковъ и изслѣдованій... Но спѣшимъ оговориться: В. Н. основываетъ свои заключенія на такой массѣ текстовъ и подкрѣпляетъ ихъ такими учеными авторитетами, что полемизировать съ нимъ было бы въ высшей степени трудно, если оппонентъ не обладаетъ такою-же начитанностью и историческимъ пониманіемъ эпохи, какъ авторъ. Нельзя не привѣтствовать автора за счастливую мысль— сосредоточить свои изслѣдованія на источникахъ Т. Ливія. Уже давно признано, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу краеугольныхъ во всей римской исторіографіи... Въ виду того, что изслѣдованія В. Н. направляются къ той области, которая такъ мало представима въ русской исторической литературѣ, что строго научный методъ и правильная постановка вопросовъ обличаютъ въ авторѣ прекрасную школу, и что, наконецъ, древняя исторія въ нашемъ университетѣ не имѣетъ равнаго г. Пирогову по подготовкѣ преподавателя, нижеподписавшіеся имѣютъ честь рекомендовать В. Н. Пирогова, какъ ученаго, съ честью могущаго занимать мѣсто доцента всеобщей исторіи на историко-филологическомъ факультетѣ». Уже въ засѣданіи 8 февраля было доложено объ утвержденіи попечителемъ округа В. Н. Пирогова въ званіи доцента.

19.

С. Вишня, 79, Марта 22.

Это прекрасно и, какъ нельзя болѣе, умно съ твоей стороны, любезный Воля, что ты, — какъ кажется, твердо, — рѣшился заняться диссертаціею на степень Доктора. Дай Богъ, чтобы тебя ничто не отвлекло отъ этого прямого, и самаго торнаго для тебя, пути. Твоя аудиторія, какъ видно, миніатюрная, но на это не смотри; я нахожу, напротивъ, что для начинающаго это очень хорошо; это его не развлекаетъ въ разныя стороны, не дѣлаетъ тщеславнымъ, не даетъ повода къ гоньбѣ за эффектомъ [1]).

Но вотъ что; я бы, на твоемъ мѣстѣ, при ограниченной аудиторіи, избралъ бы и другой способъ преподаванія. Надо, впрочемъ, сообразоваться съ обстоятельствами и знать хорошо почву, которую хочешь обработывать. Я бы составилъ на двѣ, три и болѣе лекцій записку, далъ бы ее моей пяти, шестиличной аудиторіи переписать и прочесть и назначилъ бы colloquium вмѣсто лекціи. Маленькая аудиторія, познакомившись у себя на дому съ содержаніемъ записки, должна бы была сдѣлать замѣчанія, возраженія, потребовать разъясненія неясностей и т. д. на лекціи, которая и состояла бы, со стороны доцента, въ комментаріяхъ и разъясненіяхъ [2]).

Для тѣхъ доцентовъ наукъ книжныхъ, которые не имѣютъ огромной массы слушателей и которые не обладаютъ особымъ даромъ слова, я считаю этотъ способъ преподаванія самымъ практичнымъ и наиболѣе полезнымъ. Уже то одно, что при этомъ способѣ доценту не придется прибѣгать къ антидотамъ противъ морфіоподобныхъ дѣйствій чтенія лекцій, есть огромная выгода въ моихъ глазахъ, именно въ моихъ, такъ какъ я имѣю необыкновенную способность засыпать на самыхъ интересныхъ лекціяхъ. — Впрочемъ, все дѣло въ почвѣ, и тамъ, гдѣ это можно сдѣлать,—въ маленькой аудиторіи,—важное и, скажу—главное, дѣло для доцента, узнать ее, сколько можно, вѣрнѣе. А какъ ее узнаешь, если не сдѣлаешь *осторожной* пробы?

Осторожной подчеркнуто, потому что въ нынѣшнихъ аудиторіяхъ завелась специфическая фанаберія. Вонъ, пожалуй, одинъ профессоръ въ Харьковѣ, даже въ ветеринарной аудиторіи, нажилъ бѣду отъ фанаберіи. Но скорѣе отъ собственной неосторожности или также собственной, не менѣе глупой, фанаберіи [3]). Какъ бы то ни было, но осторожное зондированіе почвы дѣло важное и первостатейное для доцента. Не столько отъ своихъ личныхъ достоинствъ, сколько отъ хорошаго знанія этой почвы зависитъ весь успѣхъ доцентскаго дѣла.

Будь хоть семи пядей во лбу, да если не знаешь обработываемой почвы, — глина-ли она, песокъ, черноземъ или просто чистѣйшій навозъ, — то ничего не подѣлаешь, — хоть лопни. Тотъ способъ преподаванія, который я предлагаю, можетъ, пожалуй, навозной аудиторіи и не понравиться. Скажетъ, что это урокъ, репетиція и т. п. И, разумѣется, я не могу предлагать сѣять тотчасъ же по навозу; тутъ, кромѣ чертополоха и дурмановъ, ничего другаго не жди покуда.

Ты говоришь, что не надѣешься сдѣлаться или просто не сдѣлаешься краснорѣчивымъ. А забылъ: oratores *fiunt*, poetae nascuntur? Краснорѣчіе, батюшка мой, не одного рода, а разныхъ. Про тебя, я тебѣ же скажу, что, изъ 4-хъ категорій говорящихъ, ты можешь принадлежать только къ двумъ: ты можешь сдѣлаться или много и хорошо, или же много и худо говорящимъ [4]). Отъ тебя зависитъ попасть въ первой или второй разрядъ. Кто отъ природы способенъ много говорить, тотъ будетъ много и хорошо или много и худо говорить, смотря по тому, будетъ ли онъ 1) знать: многое хорошо, 2) многое худо, 3) мало и хорошо, 4) мало и худо. Вотъ средство для научнаго краснорѣчія, которое отличается многимъ отъ ораторскаго. — Еще замѣтка. Остерегись выкладывать на столъ аудиторіи, и тотчасъ-же, все, что знаешь; сбереженіе, сбереженіе, мой другъ, это главное во всемъ. Это то, что отличаетъ истинную цивилизацію отъ дичи, гнѣздящейся въ насъ.

Твой отецъ. *Пиши.*

---

1) Самъ Н. И. Пироговъ, во время своего профессорства, всегда читалъ при переполненной аудиторіи. Въ медико-хирургической академіи, напр., въ часы его лекцій пустовали аудиторіи другихъ профессоровъ. Дошло до того, что «конференція считала себя вынужденной вмѣнить студентамъ въ непремѣнную обязанность посѣщать анатомическій институтъ только въ часы, свободные отъ лекцій» (А. Таренецкій. «Каѳедра и музей нормальной анатоміи...» Спб. 1895, стр. 184). «Лекціи его отличались замѣчательно ясной дикціей и богатствомъ содержанія; на эти лекціи собирались не только студенты и врачи, но ихъ посѣщали также художники, дамы и военные» (тоже, стр. 160). «Пироговъ, по преимуществу, человѣкъ, не желающій производить эффекты, не гоняется за впечатлѣніемъ на публику, — говоритъ его случайный слушатель, учитель Залога, — слогъ его сжатъ, лакониченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясенъ, точенъ, вразумителенъ, понятенъ до осязанія» («Южный Край», 1881, 3 XII, № 323).

2) Приблизительно такова же намѣченная Н. И. Пироговымъ програмна занятій молодыхъ доцентовъ въ письмѣ изъ Гейдельберга отъ 12 января 1864 г. (Сочиненія, т. I, 1914).

3) Имѣется въ виду исторія съ профессоромъ анатоміи въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ Журавскимъ, въ декабрѣ 1878 г. Желая «подтянуть» студентовъ, Журавскій назначилъ еженедѣльныя репетиціи. Студенты, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ профессоромъ, отказались посѣщать его лекціи. Нашлась группа штрейкбрехеровъ, произошло столкновеніе въ средѣ самого студенчества и начались волненія, перекатившіяся въ Университетъ. Въ дѣло вмѣшался попечитель округа, не съумѣвшій, однако, успокоить взволнованную молодежь. Пошли сходки, вмѣшалась полиція, причемъ студенты были избиты. Волненія добрались до С.-Петербурга, гдѣ студенты-медики и другіе обратились съ адресомъ къ наслѣднику престола, великому князю Александру Александровичу. Эта же исторія отразилась и въ Кіевѣ, гдѣ произошли бурные инциденты въ Университетѣ. Успокоеніе въ среду студентовъ Харьковскаго Университета внесло постановленіе совѣта послѣдняго съ протестомъ противъ избіенія студентовъ полиціей. Съ этимъ дѣломъ связано и покушеніе Гольденберга на харьковскаго губернатора кн. Кропоткина. Харьковская ветеринарная исторія нашла также громкій отголосокъ въ высшихъ сферахъ въ связи съ «представленіемъ совѣта С.-Петербургскаго Университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію». Между прочимъ, совѣтъ объяснялъ студенческія волненія слабымъ развитіемъ общественной жизни въ странѣ, или какъ заявляетъ въ своемъ «Краткомъ очеркѣ правительственныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ безпорядковъ» А. И. Георгіевскій, «совѣтъ Университета во всемъ этомъ винилъ нашъ государственный и общественный строй». Засѣданіе совѣта происходило въ концѣ декабря, а 12 января шефъ жандармовъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что до свѣдѣнія Государя дошло о петиціи, поданной профессорами Университета министру о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ противъ нихъ. Въ результатѣ министръ обратилъ вниманіе совѣта Университета на неумѣстность и несвоевременность его записки, и кромѣ того, какъ удостовѣряетъ А. И. Георгіевскій, записка совѣта «побудила графа Д. А. Толстого не медлить болѣе дѣломъ о новомъ университетскомъ уставѣ».

Литература: «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ», Спб. 1907, стр. 133—136, 183—184, 228—30; «Общее дѣло», № 21; Протоколы засѣданія совѣта Харьковскаго Университета отъ 16 декабря 1878 г. и «Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго Университета» профессоровъ Д. Багалѣя, Н. Сумцова и В. Бузескула, Харьк. 1906, стр. 231—232; «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи», Спб. 1906, вып. I, стр. 15—32.

4) Въ письмѣ къ А. А. Бистромъ отъ 22 марта 1850 г. Пироговъ пишетъ: «Я раздѣляю людей на четыре разряда (въ отношеніи говорящихъ и мыслящихъ существъ): 1-й разрядъ составляютъ люди, которые говорятъ и пишутъ *много и хорошо*, 2-й разрядъ — *мало и хорошо*, 3-й — *много и худо*, 4-й — *мало и худо*... Природа столкнула меня, какъ это кажется, судя по моимъ письмамъ, въ 3-й разрядъ».

20.

С. Вишня, 79. Апрѣля 4.

Слава Богу, что у тебя дѣла набирается, любезный другъ Воля; рефератъ, экзамены, чтеніе лекцій и т. п. Смотри со всѣми этими вещами, на первыхъ порахъ, будь осторожнѣе. Рефератъ сочиненія твоего коллеги, реферировшаго о твоей диссертаціи, требуетъ такта [1]); этотъ опытъ будетъ для тебя полезенъ, какъ упражненіе въ выработкѣ научно-литературнаго такта. Надѣюсь, ты не поступишь, какъ въ извѣстномъ тебѣ случаѣ Цитовича, не (*слово неразобрано*) съ кѣмъ-то изъ его товарищей; не дашь повода къ ненависти и пререканіямъ [2]).

Первые экзамены студентовъ, слушавшихъ лекціи у другаго доцента, требуютъ также не менѣе такта. Относиться слишкомъ строго или слишкомъ слабо и безразлично неумѣстно; нужно искуссно лавировать, чтобы не возбудить на первыхъ же порахъ противъ себя и слушателей, и товарищей. Я думаю, ты хорошо сдѣлаешь, если предварительно переговоришь и съ доцентомъ, слушателей котораго будешь экзаменовать, и съ студентами, прозондируешь хорошенько почву и будешь требовать справедливаго.

Не совѣтую при экзаменѣ слишкомъ много самому говорить,—это извѣстная слабость новичковъ экзаменаторовъ; они, обыкновенно, болѣе сами говорятъ, чѣмъ экзаменующіеся. Слишкомъ же молчать и моносиллабничать при экзаменѣ также не годится. Опять тактъ. Лекціи, которыя будешь читать, замѣняя собою другаго, требуетъ еще болѣе осторожности и серьозной подготовки, чтобы не сконфузиться и не сконфузить своихъ слушателей, когда настоящій доцентъ возвратится [3]). Разумѣется, при такомъ замѣнительномъ курсѣ уже нельзя избрать тотъ способъ, про который я говорилъ въ прошедшемъ письмѣ.

Но, что же будетъ съ твоею докторскою диссертаціею? Она меня всего болѣе интересуетъ, потому что отъ нее зависитъ твое будущее положеніе. Надо, какъ бы то ни было, распорядиться, чтобы при всѣхъ твоихъ занятіяхъ извѣстный % времени былъ употребленъ и на этотъ трудъ. Его никакъ нельзя откладывать въ длинный ящикъ,—такой же, въ которомъ лежала твоя магистерская диссертація. Но, съ твоею головою, если ты только захочешь, можешь со всѣми занятіями справиться. Распорядись только хорошенько съ временемъ.

Вотъ дождались и финала нашего смутнаго времени. Опять, какой-то подлецъ занесъ руку на Государя и опять почти въ то же время, 2 апрѣля, какъ 13 лѣтъ тому назадъ [4]). Очевидно, какое-то злостное безуміе обуяло группу людей. Мнѣ кажется, мы вступили въ такой періодъ жизни человѣческаго общества, въ которомъ начала выражаться борьба за существованіе массъ съ личностями и личностей съ массами, то есть борьба, существовавшая всегда и искони присущая человѣческому обществу, теперь принимаетъ болѣе (*слово неразобрано*: жестокій?) и рѣзкій характеръ. Просто бѣда, и гдѣ средства противъ нее?

Благослови тебя Богъ на труды.

Твой отецъ [5]).

1) Въ Протоколахъ Засѣданій совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета отъ 7 мая 1879 г., пунктъ 11, напечатано совмѣстное представленіе проф. А. С. Трачевскаго и доц. В. Н. Пирогова, предлагавшихъ избрать доцента Ѳ. И. Успенскаго въ экстра-ординарные профессора («Записки Имп. Новоросс. Унив.», Одесса 1880, т. 29, стр. 99—106). Ѳ. И. Успенскій защищалъ магистерскую диссертацію въ Петербургѣ въ 1874 г., докторскую — тамъ же весною 1879 г. 7 мая 1879 г. Ѳ. И. Успенскій былъ избранъ экстраординарнымъ, а 20 сентября того-же года ординарнымъ профессоромъ (А. И. Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе Импер. Новоросс. Унив.», Одесса 1890, стр. 201).

2) Имѣется въ виду извѣстная полемика по поводу брошюръ профессора Новороссійскаго Университета по каѳедрѣ гражданскаго права, впослѣдствіи редактора газ. «Берегъ», П. П. Цитовича: «Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ», «Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать?», «Разрушеніе эстетики» (Одесса 1878—1879 гг.). Эти произведенія и вся послѣдующая полемическая литература (въ томъ числѣ извѣстныя «Письма къ ученымъ людямъ» Н. К. Михайловскаго) появились въ связи съ поданной П. П. Цитовичемъ въ совѣтъ Новоросс. Унив. запиской подъ заглавіемъ «Новые пріемы защиты общиннаго землевладѣнія. По поводу сочиненія «Общинное землевладѣніе». А. Посникова». А. С. Посниковъ, позднѣе членъ Государственной Думы и директоръ петроградскаго политехническаго института, въ 1876 г. былъ избранъ доцентомъ Новоросс. Универс. по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, а въ 1878 г., по защитѣ въ Москвѣ докторской диссертаціи, избранъ въ Одессѣ же ординарнымъ профессоромъ. Въ 1882 г. А. С. Посниковъ ходатайствовалъ о командировкѣ съ научной цѣлью, но ему въ этомъ было отказано, и онъ взялъ отпускъ, изъ котораго въ Одесскій Университетъ не вернулся. Историкъ Новороссійскаго Университета, проф. А. И. Маркевичъ, сообщаетъ, что лекціи проф. А. С. Посникова, при его большомъ лекторскомъ талантѣ, производили большую сенсацію. Ихъ посѣщали даже профессора и на нихъ старались проникать постороннія лица. Студентами онъ былъ очень любимъ. Тотъ-же авторъ приводитъ характерную для проф. П. П. Цитовича выдержку изъ его докладной записки на имя попечителя округа: «Скоро минетъ 13 лѣтъ (относится къ 1875 г.), какъ я, осиротѣвшій семинаристъ, пѣшкомъ за 500 верстъ отправился въ Университетъ и съ тѣхъ поръ никогда съ нимъ не разставался... Я до сихъ поръ оставался вѣренъ Университету единственно потому, что привыкъ связывать свою личную честь съ честью Университета, и только изъ-за понятой такимъ образомъ личной чести до сихъ поръ предпочиталъ скромную дѣятельность университетскаго преподавателя всякой другой, болѣе доходной дѣятельности...» (А. И. Маркевичъ, 513). Уѣхавъ въ Петербургъ редактировать газету «Берегъ», Цитовичъ оставилъ Университетъ, но въ 1884 г. ходатайствовалъ передъ министромъ о назначеніи его снова на каѳедру въ Одессу; однако, совѣтъ забаллотировалъ его, и онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Кіевъ (А. И. Маркевичъ, 514).

3) Доцентъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи Ѳ. И. Успенскій въ это время находился въ С.-Петербургѣ, гдѣ защищалъ докторскую диссертацію. См. выше — примѣчаніе 1-е къ этому-же письму.

4) 2 апрѣля 1879 г. — выстрѣлъ А. К. Соловьева, 4 апрѣля 1866 г. —

выстрѣлъ Д. В. Каракозова. Въ «Дневникѣ стараго врача», послѣ 1 марта 1881 г., Н. И. Пироговъ писалъ: «Почему эти реформы (царствованія императора Александра II, имя котораго, по убѣжденію Пирогова, безсмертно) вооружили противъ себя и противъ личной, вводившей ихъ, власти такую странную ненависть, злобу и мщеніе въ горсти людей и недовольство въ тысячахъ, пожалуй, и милліонахъ?... Мнѣ сдается, что была какая-то черта въ характерѣ или убѣжденіяхъ государя, такъ много сдѣлавшаго для Россіи, не вполнѣ соотвѣтствовавшая значенію предпринятыхъ имъ реформъ. Это мнѣ кажется такъ потому, что ни одно изъ преобразованій не было ведено въ такомъ духѣ и направленіи, которыя сообщены были этимъ реформамъ при ихъ появленіи на свѣтъ»...

5) Этимъ заканчивается группа сохранившихся писемъ Н. И. Пирогова къ сыну по поводу профессуры послѣдняго. Продолжалось доцентство В. Н. оффиціально до 26 февраля 1884 г., но фактически прекратилось значительно ранѣе. Такъ еще весною 1882 г. В. Н. Пироговъ по болѣзни пропустилъ рядъ лекцій (Протоколы засѣданій совѣта), а въ сентябрѣ совѣтъ по представленію факультета разрѣшилъ ему заграничную командировку на 11 мѣсяцевъ съ ученою цѣлью для окончанія диссертаціи. Вернувшись осенью 1883 г. въ Одессу, В. Н. Пироговъ читалъ нѣкоторое время лекціи, а въ февралѣ 1884 г. «по болѣзни и нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ оставилъ Университетъ» (А. И. Маркевичъ, 204). Историкъ Новороссійскаго Университета пишетъ: «В. Н. Пироговъ преподавалъ 3 года, читая лекціи по римской исторіи, которую онъ излагалъ историко-критическимъ методомъ (курсъ его былъ литографированъ), преимущественно придерживаясь взглядовъ проф. Моммсена»...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

10 (22) Апрѣля 1866 года.

Будьте ради Бога, осторожны въ выборѣ знакомствъ, — а, главное, вдумывайтесь въ жизнь, не дайте заглохнуть въ душѣ чувству къ добру и вѣрѣ, — она есть у васъ, какъ и у всего человѣчества, — вѣрьте, что между нами и Богомъ есть Посредникъ и не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

Это убѣжденіе, послѣ многихъ переворотовъ, совершившихся въ моей душѣ, осталось у меня и служитъ мнѣ главнымъ утѣшеніемъ и при разлукѣ съ вами, и во всѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Это норма, — къ ней, рано или поздно, должно возвра-

титься, — безъ нея, пришлось бы вѣрить въ случай, въ fatum, судьбу, — во что-то темное, сбивчивое и безотрадное, — годное только для испытанія силы духа, но не приносящее никакого утѣшительнаго результата, потому что самообольщеніе и вѣра въ одного себя — плохое утѣшеніе въ борьбѣ съ слѣпымъ случаемъ.

Берегите жизнь и здоровье, вооружайтесь всей силой воли и нравственнымъ чувствомъ противъ чувственности; не дайте ни вину, ни блуду, ни распущенности мысли овладѣть вашимъ внутреннимъ бытіемъ. Вы настолько образованы, что можете даже и одною наукою вооружиться противъ цинизма, а между тѣмъ культивируйте то чувство, которое въ ваши лѣта такъ легко глохнетъ, если не вызовешь его изъ глубины души упражненіемъ въ самопознаніи. Вашъ отецъ. Богъ (*вырвано два слова*: да благослов?)итъ Васъ.

Прочтите это отъ меня и Володѣ.

Печатаемое здѣсь письмо Н. И. Пирогова послано изъ Берлина въ С.-Петербургъ двумъ сыновьямъ автора, Николаю и Владиміру, а также сверстнику послѣдняго, брату второй жены Н. И., Влад. Ант. Бистрому, воспитывавшемуся вмѣстѣ съ ними. Это письмо — единственное сохранившееся письмо Н. И. Пирогова къ дѣтямъ за все время до 1871 года. Какъ совершенно самостоятельное, оно было напечатано въ моей статьѣ о Пироговѣ въ газетѣ «Рѣчь» — 23 ноября 1915 года — и приводится здѣсь въ приложеніи, какъ очень важный для біографіи знаменитаго педагога образчикъ его эпистолярнаго наслѣдства. Старшему корреспонденту Н. И. Пирогова въ то время было около 24 лѣтъ, двумъ остальнымъ по 20-ти. Всѣ они съ 1862 по 1866 годы проживали вмѣстѣ съ Пироговымъ за-границей, когда онъ руководилъ занятіями молодыхъ русскихъ ученыхъ, посланныхъ министерствомъ для подготовки къ профессурѣ, и получали образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. Весною они,

повидимому, поѣхали погостить въ Петербургъ, такъ какъ продолжали затѣмъ свое образованіе за границей.

Н. И. Пироговъ, незадолго до написанія этого письма, также собирался въ Россію, имѣя порученіе министерства объѣхать всѣ русскіе университеты для ознакомленія съ ихъ нуждами и съ постановкою преподаванія на медицинскихъ факультетахъ. Выстрѣлъ Каракозова, 4 апрѣля 1866 г., измѣнивъ многое во внутренней политикѣ Россіи, вызвалъ также перемѣну въ управленіи вѣдомствомъ просвѣщенія, и новый министръ, гр. Д. А. Толстой, сообщилъ Пирогову, что онъ освобождается отъ всѣхъ своихъ обязанностей по министерству. Подробности — въ обширной перепискѣ Н. И. Пирогова съ А. В. Головнинымъ и другими, публикуемой мною въ «Русской Старинѣ» за 1917 годъ. Послѣ 4 апрѣля Пироговъ выѣхалъ черезъ Львовъ въ свое имѣніе Вишня, Подольской губ., гдѣ и скончался 23 ноября 1881 года.

С. Штрайхъ.